

ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ НОС

ОЛЕГ
ЗОБЕРН

АВТОБИОГРАФИЯ
**ИИСУСА
ХРИСТА**

РОМАН

«Упоительно! Исторический роман погорячее Дэна Брауна».

Сергей НИКОЛАЕВИЧ, главный редактор, «СНОБ»

Сверхчеловек

Олег Зоберн

Автобиография Иисуса Христа

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=РУс)6-44

Зоберн О.

Автобиография Иисуса Христа / О. Зоберн — «Эксмо»,
2018 — (Сверхчеловек)

ISBN 978-5-04-091124-0

Впервые в мире публикуется автобиография Иисуса Христа. Его исповедь. Она проливает свет на события, которые случились в Палестине две тысячи лет назад и легли в основу Евангелия – наиболее читаемой книги в истории человечества. Учитель сам, ничего не скрывая, рассказывает о себе. Олег Зоберн – писатель, лауреат литературных премий «НОС» и «Дебют». «Упоительно! Исторический роман погорячее Дэна Брауна». Сергей НИКОЛАЕВИЧ, главный редактор журнала «СНОБ» «Наконец-то на русском языке написан универсальный роман, проникнутый духом истинной религиозности. Удивительно точный, кинематографичный портрет Иисуса. Христианство XXI века должно быть именно таким». Дмитрий ВОЛЧЕК, главный редактор сайта «Радио Свобода» «Неожиданно, смело, оригинально и возмутительно талантливо». Роман СЕНЧИН, лауреат премии «Ясная Поляна» «Кем был Иисус Христос? Этот вопрос тревожил всех, кто пытался Его изображать, – от евангелистов до художников европейского Ренессанса, от Ренана до Ге, от Булгакова до Скорсезе. Странно было бы, если б этот поиск на чем-то остановился. Олег Зоберн продолжает его». Николай БАЙТОВ, лауреат премии Андрея Белого «Потрясающе! Кажется, у нас появился свой Салман Рушди». Александр МИХАЙЛОВ, кандидат филологических наук, доцент Литературного института им. Горького

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=РУс)6-44

ISBN 978-5-04-091124-0

© Зо́берн О., 2018

© Э́ксмо, 2018

Содержание

Предисловие	7
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	18
Глава 4	21
Глава 5	24
Глава 6	26
Глава 7	31
Глава 8	34
Глава 9	37
Глава 10	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Олег Зоберн

Автобиография Иисуса Христа

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

«Это действительно история сверхчеловеческого персонажа».

Игорь ВИШНЕВЕЦКИЙ, профессор русской литературы Эморийского университета (Атланта, США)

«Олег Зоберн – отчаянный мистификатор и непревзойденный стилист. Его цель – переосмыслить мифы, перепроверить факты, переписать историю. Ортодоксы наверняка будут недовольны – но ничего: истинное христианство учит смирению».

Сергей НИКОЛАЕВИЧ, главный редактор журнала «СНОБ»

Олег Зоберн – писатель из Москвы. Лауреат литературных премий «НОС» за книгу «Сумеречные рассказы» и «Дебют» за сборник рассказов «Тихий Иерихон».

Окончил Литературный институт им. Горького. Также имеет богословское образование.

Предисловие

Эта книга написана две тысячи лет назад человеком по имени Йесус Нацеретянин. К нам в редакцию попала красная картонная папка, в которой находилась рукопись, созданная на греческом языке с вкраплениями латыни, иврита и арамейского письма. Она представляла собой хорошо сохранившиеся листы папируса.

Вместе с древним текстом-исповедью в папке лежали документы гражданина Российской Федерации (в том числе удостоверение к медали «За освобождение Пальмиры»), газетные вырезки, две фотографии и гербовое свидетельство о смерти, выданное отделом Записи актов гражданского состояния района Кузьминки города Москвы.

Судя по этим материалам, человек, нашедший рукопись, служил в российской армии, находился в Сирии во время недавней военной кампании и где-то в Дамаске, внутри стены дома, треснувшей от взрыва снаряда, обнаружил медный сосуд с папирусами. После возвращения домой этот человек работал в Московской службе спасения и погиб во время тушения пожара, что подтверждает некролог, вырезанный из газеты «Спасатель».

Приносим благодарность сотрудникам Института библеистики РАН, которые перевели текст на русский язык. Рукопись передана на спецхранение. С помощью лабораторных исследований подтверждено, что время ее создания совпадает с датой, указанной автором.

Мы не можем назвать имя первооткрывателя рукописи, так как списки участников тех боевых действий засекречены. Что касается фотографий, то на одной ему семь лет и он держит игрушечный автомат, а на другой – улыбающийся мужчина в камуфляже и каске запечатлен с медным сосудом в руках на фоне залитых солнцем белых полуразрушенных зданий.

Глава 1

Храм

Я родился на кладбище недалеко от Бейт-Лехема. Мать с отцом шли туда из Нацерета, чтобы принять участие в переписи населения, которую устроил правитель Сирии Квириний. Они не смогли найти место на постоялом дворе, и я появился на свет в пещере возле гробницы Рахили, младшей жены патриарха Иакова. Моя мать была здоровой и сильной женщиной и уже на следующий день смогла покинуть пещеру, чтобы добраться до Бейт-Лехема, где в городском управлении нас внесли в список жителей римской провинции и на белом нильском папирусе было начертано мое имя – Йесус, сын Иосифа.

Говорят, в те дни между планетами Шабтай и Маадим в созвездии Змееносца появилась новая блуждающая звезда необыкновенного блеска, которая бледнела по мере того, как я все с большим аппетитом сосал материнское молоко. Шел сорок второй год правления Августа.

Родители вернулись в Нацерет, и тринадцать лет со мной не происходило ничего особенного. Я помогал пасти коз и учился грамоте и философии у старого эллина Никандроса.

Впервые я увидел Иерусалим на праздник Песах. Я пришел туда с родителями. Мой отец Иосиф был уже очень стар, хотя продолжал работать плотником. Мы с матерью шли, а он ехал на молодом осле, который часто останавливался и кричал, задрав морду, будто желая поведать миру о чем-то важном. Отец злился и бил его пятками по бокам, а паломники обходили нас с обеих сторон. Иосиф был не в духе: накануне он вернулся из Сепфориса, где вместе с другими мастерами делал кресты для казни мятежников, и руководивший работами центурион заплатил ему меньше, чем обещал.

В тот раз я плохо запомнил Иерусалим, но Храм поразил меня. Издали он похож на снеговую гору с золотой вершиной, потому что построен из белых камней, а крыша покрыта чистым золотом. Паломники останавливают на холме своих лошадей, ослов и верблюдов, повозки и несущих паланкины рабов и заворуженно смотрят на Храм, окруженный высокими стенами. Огромный и при этом невесомый, он будто парит над городом на фоне далеких голых вершин.

На территории Храма непрерывно, год за годом, идет работа: одни служители везут к печам дрова, другие несут сосуды с маслом, третьи – крупитчатую муку и ароматные смеси в горшках. На огромном медном жертвеннике горит мясо, курится фимиам, плывут волны синего дыма. Соферимы и фарисеи, сидя под мраморными колоннами галереи, спорят с саддукеями, совершенствуясь в точнейшем толковании Закона. Какие-то паломники спят на циновках в укромных углах, кто-то несет тушу бычка, а левиты вполголоса переговариваются со знатными людьми и друг с другом, решая важные дела, а может быть, и судьбу царства Израиля. Трещит негасимое пламя на костре жертвенника, молитвенные песнопения смешиваются с криками торговцев, звуками труб и ревом убиваемых животных. Если вдруг эта сокровенная работа прекратится, что будет с нашим народом? Что будет со мной, если не станет Храма? Я умру?

Так думал я, стоя в притворе и разглядывая мозаики на стенах. Святая святых скрывали занавеси с вышитыми херувимами и цветами, и казалось, за ними был центр Вселенной, сосредоточено все самое неизъяснимое, скрытое, голодное, но могущественное и красивое. Это подтверждали драгоценные камни на одеждах священников, золотые кадила и чаши, серебряные сосуды высотой в семь локтей, отполированные так, что в них отражались дневные¹ огни меноры, лампы которой были наполнены маслом оливы из Священного сада.

¹ В меноре (ритуальном светильнике храма) днем горели не все лампы.

Отец и мать принесли жертву и отправились отдохнуть к знакомому по имени Феодосий, торговцу посудой и красителями для тканей. Они разрешили мне остаться в Храме до вечера, а потом я должен был прийти в дом Феодосия. Мы собирались переночевать у него и на следующий день, с толпой нацеретян, отправиться обратно в наш город.

Я сидел среди других детей в одной из комнат Храма и ждал, когда с нами будет разговаривать священник, учитель Закона. Пока мы ждали его, нас угостили – принесли кувшин виноградного сока и корзинку фиников.

Священное Предание я к тому времени уже знал благодаря хорошей памяти, которая позволяла раз и навсегда запомнить однажды прочитанное и услышанное.

В тот день я впервые в жизни испытал сильный гнев. Родители должны были, как и все, заплатить священный налог серебряными тирскими статирами, потому что эти монеты, по мнению казначеев Храма, не осквернены – на них нет изображений языческих богов или головы римского императора.

В нишах стояли высокие кувшины, куда под надзором левитов паломники бросали монеты. Когда кувшины наполнялись, стража уносила их в подземелье под Храмом. На площади у входа, рядом с торговцами жертвенными животными, сидели люди, которые меняли нечистые монеты паломников на статирь, оставляя себе небольшой процент. И меняла обманул нас – дал за наши тетрадрахмы на один денарий меньше, чем должен был. Я сразу заметил это, сделав подсчет в уме, но мать отказалась требовать с меня недостающее. Она сверкнула на меня глазами и сказала, что это неблагочестиво, ведь сейчас великий праздник... Отец, как всегда, не решился ей перечить, а во мне все вскипело, я хотел опрокинуть стол проклятого менялы и добиться справедливости...

Жаль, не все понимают, что наше благочестие нужно не Богу, а тем, кто учит нас не любить императора и его голову на монетах.

В тот год я стал «сыном наказания»² и уже понимал, что закон, даже самый справедливый, не может совершаться сам по себе, ведь Бог беспомощен без людей, которые являются его орудием.

Но чей я сын на самом деле, хотелось бы знать? Незадолго до того, как мы отправились в Иерусалим, соседка сказала мне, что Иосиф не мой отец.

Сначала я не поверил.

Было больно думать, что моя мать зачала меня преступным образом. Говорить с ней об этом, чтобы узнать правду, я не решался. Вспыльчивая и властная, она и так считала меня не таким, как все, неправильным, и постоянно подозревала в чем-то. Она выросла при Храме и, конечно, гордилась этим. Однажды она сказала, что я слишком умен, чтобы меня любить. Ведь умный человек ясно видит недостатки окружающих людей, даже самых близких. А как любить такого, который все видит, даже самое скрытое и грязное? Чистая любовь не может быть такой.

Я хотел поговорить об этом со священником. Казалось, священник должен быть мудр и сможет научить меня спокойной уверенности... Но в чем? В чем мы вообще можем быть уверены?

Вскоре пришел священник. Мы сидели на полу, на войлочных подстилках, а он стоял перед нами. Мы задавали вопросы, он отвечал. Повторял и так известные мне заповеди. Вспоминал те или иные места в Торе. И я спросил его, зачем Богу такой большой Храм, ведь Его любовь к нам не может зависеть от ширины и высоты какого-то здания. Священник ответил, что в Храм стекаются люди со всех концов земли, чтобы единой семьей предстать перед лицом своего Бога, и поэтому Храм большой, как просторный дом для большого богатого семейства. Меня разочаровал его ответ, потому что из этого следовало, что Храм построен людьми и для людей. А где же тут Бог?

² Бар-оншин (ивр.) – возраст (13 лет), с которого мальчик отвечал перед законом.

Затем священник стал рассказывать нам о мессии. О том последнем пророке, который придет и навсегда освободит Израиль. Я засмеялся, и другие дети удивленно уставились на меня.

– Откуда же он придет? – спросил я. – Из ящика со свитками?

– Чтобы рассуждать об этом, сначала надо как следует выучить Священное Писание, – ответил священник.

– А почему мессия не пришел до сих пор? Чего он ждет? – не понимал я.

– Мальчик, мы пока не достойны принять его, ведь наша вера очень слаба.

– Значит, дело не в Священном Писании, а в вере? – продолжал я допытываться. – И вера – это главное, а все остальное – просто слова?

– Пророк Моисей получил от Господа Скрижали Завета, – терпеливо объяснял священник, но я заметил, что он начинает раздражаться. – И пророк Исая был вдохновлен самим Господом. Разве не чудо, что мы можем прочесть сказанное им? Придет мессия, и все народы перекуют копья свои на серпы! Войны прекратятся, настанет мир и благоденствие... Мудрость всех пророков собрана в Писании. Это не просто свитки, это дар, который отвергать глупо и бесстыдно. Понимаешь, мальчик?

Тогда я задал еще один вопрос, на который можно было ответить только прямо, без возможности сослаться на пророков:

– При Храме есть помещение для прокаженных. Вылечился ли там кто-нибудь?

Священник сделал вид, что не услышал вопроса, но на его лице мелькнула неискренняя улыбка – будто на мгновение он примерил маску, за которой таилась уродливая правда, и стал рассказывать о том, как по египетским домам шел ангел смерти, истребляя первенцев за то, что фараон не отпускал евреев из рабства.

Вечером, когда беседа закончилась и дети разошлись, я соврал священнику, что у меня нет родителей и мне некуда идти. Он посоветовался с кем-то, и мне разрешили остаться на территории Храма, пока не кончатся дни праздника.

Я знал, что должен постоянно учиться, и решил, что в Храме у меня будет такая возможность – там можно было беседовать со многими образованными людьми и узнавать новое.

Мне дали пресную лепешку и козьего молока и отвели в небольшую постройку рядом с хранилищем масла, похожую на конюшню для пары лошадей. Там была чистая солома. Я лег на нее. За краем камышовой крыши виднелось звездное небо. Я думал о том, что есть люди, которые верят в небесные светила, а кто-то поклоняется черным камням, упавшим с неба... Так говорил эллин Никандрос, многому научивший меня в Нацерете по своим свиткам. И я решил тогда, что какой-нибудь врач, вылечивший прокаженного, больше достоин любви, чем камни или священники Храма, которые даже все вместе не могут ясно ответить ни на один вопрос.

Мне было страшно, потому что, глядя в небо над Храмом, я вспомнил слова пророка Исая: «Истлеет все небесное воинство; и небеса свернутся, как свиток книжный; и все воинство их падет, как спадает лист с виноградной лозы и как увядший лист – со смоковницы».

Мне было тревожно и горько. Я понял, что не хочу возвращаться с родителями в Нацерет. Но почему? Как мне дальше жить? Почему священник не сказал ничего существенного? Я искал ответы... Я понимал, что мой отец стар и скоро должен умереть. Да и мой ли это отец? Вряд ли. Кто он для меня? Чужой мертвец... Я заплакал. А мать была холодна и мечтала найти нового мужа. Ее тяготил старик Иосиф. Я любил их, но понимал, что если вернусь домой, это не сделает меня сильнее... Я должен был идти к жизни, прочь, прочь от моих смертных родителей.

В Нацерете жила девочка Ревекка, которая мне нравилась: маленький пухлый рот и глаза, наполненные темным огнем. Она была очаровательна и упряма, и какая-то особенная сладость таилась в этом ее упрямстве – его хотелось тихо и настойчиво сломить. В ней, в ее стройном

смуглом теле, было заключено горячее и хрупкое дыхание бытия. Она была похожа на горный тюльпан. Или на анемон. А в моем отце жизнь дотлевала... А матери не было дела до меня.

Но и Ревекка не стоит того, чтобы погружаться в прошлое. Я не хотел возвращаться домой.

«Может быть, отправиться в Афины, чтобы продолжать учиться?» – думал я. Никандрос к тому времени уже научил меня всему, что знал сам, в том числе эллинскому языку и латыни, азам риторики и философии, а еще – определять путь и делать небольшие прогнозы событий по звездам. Я даже читал с ним римских поэтов, разбирая каждую строку: Вергилия, Катулла, и они нравились мне больше, чем Книга Премудрости Бен-Сиры или описание мрачных подвигов Юдифи – кровожадной девственницы, отрезавшей голову доверчивому Олоферну³. Помню, как меня взволновали впервые прочитанные строки Эмпедокла Акрагантского: «Радуйтесь – бог среди вас! Из смертного стал я бессмертным». Я держал в руках свиток, и казалось, Бог стоял за моей спиной, вызванный этим стихом из бездны.

Рожденный на кладбище, я лежал на конюшне и думал: кто я? Неужели я создан только для того, чтобы в этом удивительном мире заменить собой ночующую лошадь? Глаза слипались. Я свернулся на соломе, как зверь. Ночи на исходе месяца нисана⁴ еще холодны... «Родители говорят, что мы царского рода, – размышлял я, – но царем чего могу быть я?»

Звуки Иерусалима не доносились туда из-за высоких стен, но на территории Храма был слышен рев жертвенных животных в загонах. Они чувствовали, что им конец.

Меня кормили, я выполнял мелкую работу. Иногда хотел поговорить с кем-то из священников, но они отмахивались от меня, как от слепня. Было обидно. А может, они боялись сказать правду и это нежелание сообщить мне правду являлось актом милосердия по отношению ко мне?

Родители нашли меня через три дня.

Поскольку я должен был прийти из Храма в дом Феодосия, они решили, что я потерялся где-то в Иерусалиме, и в поисках сына бродили по узким улицам и площадям, расспрашивая людей, заглядывали в темные подвалы, дворы и лавки торговцев, пока не догадались вернуться на территорию Храма. Впрочем, там, среди тысяч паломников, они тоже обнаружили меня не сразу.

Мать злилась и ругала меня. Когда она была в таком состоянии, рядом с ней кисло молоко и спотыкались лошади. Ее большие выпуклые глаза выражали упрямое непонимание, смешанное с горчайшей обидой на судьбу. Она поблагодарила одного из левитов за то, что они приютили меня. Ей пришлось дать ему три драхмы, и она не раз еще мне это припомнила, потому что мы были бедны.

Затем мы вышли в город, и возле рыночной площади она прилюдно стала кричать, что я позорю весь род. Мимо прошла богатая горожанка, следом за ней раб нес две корзины. Этот раб посмотрел на меня и усмехнулся. Иосиф отчужденно молчал, опираясь на свою палку. Я оскорбленно подумал, что даже дешевый раб стоит тысячу денариев, а мать только что купила меня за три монеты.

Возле Северных ворот она немного успокоилась, но продолжала причитать:

– Что ты делаешь с нами? Ведь мы таскались по всему Иерусалиму, ища тебя. Мы думали, что тебя украли... Увели куда-то обманом... Ты считаешь себя умнее нас? Почему ты не помогаешь отцу и столько времени проводишь с этим проклятым Никандросом? Это он всему виной! Чтоб он подавился своими папирусами! Почему ты слушаешь его больше, чем родителей? Да ты не умнее ящерицы, спящей под колесом телеги!

³ Книга Премудрости Бен-Сиры – еврейское этико-дидактическое сочинение II в. до н. э.; Юдифь – героиня второканонической Книги Юдифи.

⁴ Седьмой месяц в еврейском календаре, соответствует апрелю-маю.

Мне это было непонятно: мать такое большое значение придавала тому, что сама воспитывалась в Храме несколько лет, а я пробыл там всего три дня, и она так недовольна. Да, она хотела, чтобы я перенял дело отца и стал когда-нибудь уважаемым человеком, как она любила выражаться. Уважаемым мастером, который кормится от рук своих, как предписывает закон пророка Моисея... «Не дать сыну профессию, – повторяла она, – все равно что отказаться от него». Ну и что бы я делал? Мастерил рукояти заступов, топорища и грабли, сколачивал столы, лавки да кресты для бандитов? Нет-нет, если не обманывать себя, надо сказать: наиболее уважаемые люди получают пропитание от чужих трудов. Не зря же я в четыре года умел читать и помнил имена всех наших патриархов.

Два дня на окраине города мы ждали новую группу паломников, чтобы идти с ними в Нацерет – только так, толпой, можно было защититься от разбойников, а их на дорогах было множество: и беглые рабы, и просто опытные душегубы, и странные кровожадные легионеры без начальников, и люди, выдававшие себя за посланников Божиих, но которые при этом горели желанием во что бы то ни стало отобрать твой мешок и пояс с деньгами.

К нам присоединился гладиатор, который выкупил себя и бросил это ремесло, получив большое вознаграждение за поединок. Ни до этого, ни после я не встречал бывших гладиаторов – все они заканчивают жизнь на песчаной арене цирка либо в пьяных ссорах где-нибудь на улице, пропивая заработанные деньги. По его словам, он шел через Нацерет в Кану, чтобы жениться там на сестре гладиатора, убитого им в поединке. Я не поверил в такую любовь. Наверно, выкупив себя, от радости он немного тронулся умом, и врат у него получалось хуже, чем уворачиваться от сети ретиария и добивать поверженного противника ударом меча в горло.

Впрочем, все обрадовались – в толпе паломников, если разбойников тоже будет толпа, гладиатор – нужный человек.

Когда мы вышли из Иерусалима и поднялись на холм, я обернулся и посмотрел на Храм. Его крыша сверкала на солнце, будто щит великого воина в битве с небом.

Во время отдыха мы читали отрывки священной истории народа и хором пели псалмы, слова которых были красивы, как узоры на дорогой шкатулке, но я чувствовал в них сухость и пустоту. Я не восторгался этими историями, обращенными в песни... И не гордился за наш народ, потому что глупо гордиться своим народом, своей одеждой или родословной. Да и гордиться вообще – глупо. И еще мать злилась, потому что замечала это во мне, замечала мое прохладное отношение к Святому Преданию. Она говорила, что я должен любить наш народ и ненавидеть римлян. Но они не сделали мне ничего плохого. А император Октавиан Август наверняка был умным человеком и уж точно интересным собеседником. Но с матерью невозможно было вести дискуссию, она вспыхивала, как хворост, и твердила одно и то же. И еще говорила, что я «дурак со всех сторон» и «врун проклятый».

Еще в детстве я заметил, что могу превращать ложь в действительность. Все дело в том, когда именно солгать. Надо почувствовать этот момент, когда одно слово может заместить другое. Был случай, когда однажды утром я вдруг ни с того ни с сего сказал всем, что у Савватия, нашего соседа в Нацерете, умер вол, пока не зайдет солнце. Я соврал, но одновременно наполнился уверенностью и восторгом от возможности заглянуть в будущее, пусть и не очень далекое, и вол действительно умер, что больше всех поразило меня самого, а Савватий решил, что я либо отравил вола, либо видел у него признаки болезни.

В дороге я думал о мессии, про которого говорил священник в Храме. О том, что быть настоящим пророком – это почтенно. Пророком, а не одним из тех бесталанных проповедников, которые бродят всюду в поисках людей, готовых поверить чему угодно, лишь бы на миг забыть о том, что их в реальности окружает.

Это интересно и легко – быть пророком. Хотя бы для нескольких людей. Не надо выполнять тяжелую работу ни по камню, ни по дереву... И я решил, что когда-нибудь наполнюсь уверенностью и восторгом и скажу всем, что мессия – это я. Все, что нужно будет, – это гово-

рить с людьми и внушать им надежду. Но я понимал, что для этого надо очень много знать и долго учиться. Впрочем... не дается ли кое-кому знание с момента рождения?

Но Нацерет – настолько захолустное место, что даже пророками там никто не интересуется. Все заняты своими мелкими делами, так или иначе связанными с земледелием. Духовная апатия, бесчувствие. Никто не подаст лепешку нищему, а на мессию не обратят внимания, даже если он сойдет с облака. Не зря существует поговорка: «Может ли быть что доброе из Нацерета?»

Почти все, что я видел тогда, было связано с Нацеретом, окруженным зелеными холмами. С его узкими улицами, на которых ночью какой-нибудь пришлый кочевник легко может всадить припозднившемуся прохожему нож в спину, чтобы отнять деньги. И этому не станет помехой целый римский гарнизон, разместившийся в соседнем квартале. Никто ничего не услышит, а если услышит, сделает вид, что не заметил. А тело – в колодец. Да, как-то раз из колодца рядом с нашим домом достали мертвеца, и вода там была испорчена надолго.

Я ходил смотреть на это вместе с Ревеккой. Она с ужасом разглядывала труп, а я украдкой смотрел на ее смуглую тонкую шею с завитками волос. Наш Бог знал, что делал, когда вылепил Ревекку из волшебной глины. Кажется, именно тогда я впервые почувствовал себя мужчиной.

Мертвецы часто валялись в Нацерете прямо на улицах, и никому не было до них дела, особенно если при жизни они не были евреями. Наверное, никакая беда не соответствует тому позору, когда ты умер и открыто гниешь под забором. Впрочем, свободу от этого могут подарить дикие животные, например шакалы, которые придут на запах разложения и спасут тебя. Да, шакалы – лучшие в этом деле, проводники из нашего зыбкого царства смерти в мир, где смерти нет.

Глава 2

Иоанн

Один египетский врач сказал мне, что лучший способ покорить человека – создать его двойника, который будет полностью под твоим контролем. «Делай с двойником что хочешь, – объяснил египтянин, – и это неизбежно отразится на человеке-подлиннике». Мне исполнилось тридцать лет, я был сообразителен, здоров и знал, что делал, и Бог решил устроить мне испытание – появился человек, который хотел стать мной, занять мое место, и слух об этом распространился далеко за пределы Иорданской долины. Он говорил о вечной радости, свободе выбора, о светлом и справедливом царстве будущего... Но, в отличие от многих болтунов в шкурах мессий, он действительно обладал духовной силой.

По слухам, у нас с ним даже матери были одного возраста. Но он придумал что-то новое – приобщал каждого желающего к вечной жизни с помощью воды. Его звали Иоанн.

Это было мудро, ведь для многих земледельцев, живущих на краю пустыни, вода означает жизнь. И люди верили Иоанну.

К тому времени я давно оставил своих родителей, уйдя из Нацерета. Я путешествовал по еврейской земле от Кесарии Филипповой до городов Идумеи в поисках знаний и оттачивал мастерство проповедника. Заходил и в соседние царства – в Египет и Ливию, был в Аравии, плавал в Киринею на римском корабле, добирался до Галатии и берегов Северного моря. Не был в Элладе, но мечтал при первой возможности посетить Афины и Академию, а также Киссию, где живет знаменитая эвлайская община магов и находится колодец, который содержит смесь воды, масла и смолы, а когда зачерпнутое выливают, то жидкости текут порознь, и в этот момент, глядя на них, можно точно предугадать будущее. Я учил языки и обычаи, много читал. Каким праздником было попасть в библиотеку Александрии! Или, заплатив смотрителю, получить доступ к свиткам в хранилище книг иерусалимского Храма! Я целыми неделями сидел там с какими-то полусумасшедшими старцами, которые за пару медных монет могли найти любые сведения или возвести твою родословную хоть к Саулу⁵, хоть к евнуху Абагде. Мне удалось побывать даже в личной библиотеке префекта Иудеи, где он собрал немало книг римских поэтов и греческие научные тексты.

Чтобы иметь возможность читать, я некоторое время работал в Александрийской библиотеке, получая скромное жалованье. В то время ее хранителем был Дионисий Киликийский. Проверив мои знания, он поручил мне исправить ошибки в переводе Торы на греческий, который второпях сделали еврейские священники по просьбе Деметрия Фалерского⁶. Несколько месяцев они жили на острове Фарос, пируя за счет царя Птолемея⁷, которого смогли очаровать своими сладкими речами, и работали в перерывах между возлияниями, но перевод все равно получился слишком сухим. К тому же в нем отсутствовали некоторые фрагменты: сильные заклинания, эротические подробности и описания некоторых изощренных казней. Естественно, я не в силах был восстановить все это и, сидя в прохладной тишине библиотечной анфилады среди каменных ящиков со свитками, лишь привнес в перевод немного поэзии, в которой знали толк мои предки. Особенно тщательно я выправил псалмы Давида.

Вернувшись из Египта, я перебивался случайными заработками, часто одалживал деньги, не имея возможности их вернуть, жил где придется. Недоедал. Иногда все, что было у меня в дорожном мешке, – это горсть сухих фиников или черствая лепешка, полученная в дар.

⁵ Первый царь Израиля.

⁶ Греческий государственный деятель и один из основателей Александрийской библиотеки.

⁷ Птолемей II Филадельф – царь Египта в то время.

Я работал учителем в семьях богатых людей, обучая грамоте детей, а иногда и самих хозяев. Один человек хорошо заплатил мне за то, что я научил читать и писать его любимую наложницу. Признаться, я занимался с ней не только грамматикой.

Долгое время я не мог научиться разговаривать с толпой, и это приносило мне много страданий. Бывало, пылкой речью я собирал вокруг себя людей где-нибудь в Галааде или в бедном селении на берегу Есевонского озера, обещая им прозрение, как вдруг умолкал на полуслове в каком-то отчаянии, будто ослепленный догадкой: все бесполезно. Надо мной смеялись, меня били. Часто я сам ввязывался в драки, испытывая судьбу и твердость своей руки. Меня сажали в темницы, но ненадолго, пытались судить за мелкие кражи и соблазнение чужих жен, но всегда удавалось каким-то чудом откупиться, найти невероятные доказательства своей правоты, сбежать из города.

Ко мне всегда тянулись женщины, и я благодарен судьбе за то, что знал лучших из них – умных и чутких, без заботы которых я давно умер бы с голоду или от непосильной работы в поле либо пополнил бы ряды тех бродяг, чьи белые кости лежат при дорогах в пустыне.

Однажды я шел в Иерихон и остановился на вершине холма, в нескольких поприщах от этого старинного города. Я был один, каменистая тропа вела вниз, в зеленую долину, в которой раскинулся огромный масличный сад. Я долго смотрел на серебристые кроны деревьев, уходящие вдаль, и вдруг они показались мне морем расплавленного металла, озером Халколиван, в котором было растворено все человеческое знание, в том числе слова всех языков мира. Я понял, что эта первозданная огненная масса ждет меня, я должен был стать ее демиургом. И в тот момент я научился видеть живые буквы еврейского алфавита! Алеф, Хет, Шин... – они были из огня и ветра, из меда и вина, из гнусной правды и добродетельной лжи, и с их помощью можно было сделать что угодно, ибо они лежали в основе мироздания.

Видение продолжалось недолго, но в тот момент я изменился – я понял, что именно передо мной должны расступиться воды этого раскаленного моря. В тот момент поднялся ветер, деревья зашумели, будто предостерегая меня: «успокойся, тебе это не под силу, утихни», но я воздел к небу руки и закричал от восторга, потому что увидел скалу, из которой мы иссечены, и заглянул в глубину рва, из которого мы извлечены, увидел лица Авраама и Сарры⁸...

Масличные деревья живут очень долго, и если какой-нибудь человек вдруг научится слушать их, мой торжествующий вопль донесется до него.

Я жил в разных местах, но моя полоумная мать каким-то образом узнавала, где я находился, и время от времени передавала мне послания со случайными людьми. Я не отвечал. Она по-прежнему за что-то сердилась и обижалась на меня, хотела научить меня жить по законам, вести оседлый образ жизни...

Я узнал, что умер мой отчим Иосиф.

Прошло еще несколько месяцев, за которые я значительно возрос как оратор, у меня даже стали появляться первые последователи – впрочем, в то время все они были со мной недолго. Однако я уже не оставался один. Мужчины и женщины, юноши, совсем молодые девушки стремились ко мне. Им было легко со мной, потому что я действительно любил их, мог утешить и найти такие слова, каких они никогда не слышали даже от самых близких.

Я хотел жить так, как жил, хотел приближаться к истине, а не копать в земле, как червь, не строить себе убежища, как зверь. Я хотел быть свободным от всех. Я хотел быть собой.

Но Бог, как я уже сказал, послал мне испытание двойником.

О нем начали говорить в Галилее, в Самарии и за Иорданом... Он жил в пустыне. Утверждали, что он питается только саранчой и диким медом, не умеет читать и обладает настолько острым умом, что читает мысли людей.

⁸ Из книги пророка Исаяи.

Он заявил, что является наследником всех пророков и живет по закону Моисея, он даже приходил в Иерусалим и насмехался над почтенными мужами из Высшего совета, называя их порождениями ехидны. Все это было правильно, но... вывести их на чистую воду должен был я! Однако мне, стыдно сказать, тогда не хватало на это смелости. Нет, не смелости, а благоразумия... Синедрион, естественно, возмутили его речи.

Да, он был похож на меня.

И я шел всю ночь, чтобы скорее увидеть его. Я был один. Со мной хотели пойти друзья и помощники, но я решил испытать себя. Один на один с этим Иоанном.

Перед рассветом после долгого пути у меня порвалась правая сандалия. Я снял обе сандалии и бросил в кусты.

Я вышел к Иордану рано утром. Я был один, босой, усталый и очень голодный. По всему берегу, среди кустов, в тени пальм и кипарисов, лежали и сидели люди, многие еще спали; стояли шалаши, покрытые тканью, со стенками из перевитых ветвей; к деревьям были привязаны лошади и верблюды, горели костры – готовилась пища, и над водой Иордана стлался дым. Там были сотни людей. Простолюдины, солдаты, бродяги, книжники, чиновники и ессеи, которым наскучила оседлая жизнь. Бегали дети. Вокруг раскинулась безжизненная долина, еды взять было негде, и люди там подолгу не задерживались. Иоанн совершал над ними свой обряд, и они отправлялись обратно – в Галилею, Самарию, за Иордан...

Я увидел, что у ближайшего костра женщина ошипывала белого голубя, пойманного в силки, собираясь варить из него похлебку.

У самого берега группа людей ожидала очереди подойти к Иоанну, который стоял в реке, в неглубоком месте, по пояс в воде.

Он был космат и черен.

Когда человек приближался к Иоанну, он с головой окунал новообращенного в воду, смеялся и кричал непонятные слова.

Не обращая внимания на тех, кто ждал очереди совершить обряд (кто-то стал роптать и показывать на меня пальцем), я сбросил с себя одежду, оставшись в набедренной повязке, и вошел в реку. Иоанн как раз закончил очередной ритуал – старая женщина, плача от счастья, выбиралась на берег, стыдливо прикрывая руками груди, выпирающие из-под мокрой одежды.

Иоанн, задрав голову к небу, крикнул что-то на языке, понятном, наверное, только ему, и заметил меня. Его глаза были похожи на глаза мясника, уставшего от работы. Он был страшен: черный от солнца, в полуистлевшей вонючей накидке из меха, косматый, как лев (но лев из колена Иудина – это все-таки я). И он совершенно не сомневался в истинности того, что делал. Да, он верил в то, что совершал, гораздо сильнее меня. Мне хотелось легкой и необычной жизни, любви, безграничной свободы, а он не думал об отдыхе, не заботился о своем теле, он был движим некоей неистовой силой – слепой жадой неустанно сотрясать воздух воплями о целительной силе речной воды и необходимости всеобщего покаяния.

Как только мы с ним посмотрели друг на друга, как только это произошло – все было кончено. Нам не надо было ни о чем спорить и что-то доказывать друг другу. Он сразу понял, что должен мне поклониться, хотя я пришел один, а на берегу была целая толпа, очарованная им.

Так бывает, когда встречаются дикие звери или гладиаторы. Недаром говорят, что можно проиграть бой еще до поединка.

Иоанн, этот сильный человек, будто действительно посланный свыше, поддержал огонь моей, моей игры! И это было закономерно – люди, которым я предлагал эту игру, либо начинали ненавидеть меня, либо сразу становились участниками этой мистерии. На счастье, Иоанн оказался в моей власти, иначе неизвестно, чем закончилась бы эта встреча. Последователи Иоанна запросто могли убить меня, защищая своего учителя. Они были готовы на все. Но Иоанн смирился. Иными словами, хищная буква проглотила другую, поменьше. Я победил.

– О нем, о нем говорили пророки! – хрипло крикнул Иоанн, указывая на меня.

И множество лиц на берегу повернулось к нам.

– Вот человек, который несоизмеримо выше меня, – продолжал Иоанн.

– Мое имя Йесус! – крикнул я людям. – Иоанн спасает вас водой, а я – духом! Незримым духом! Даже если вся вода мира будет отравлена безумием человеческим, дух останется неуязвимым!

– Да! Да! – слышались голоса с берега.

Я слышал их голоса, я видел их ликующие лица... Кто были эти люди? Такие же, как те, что окружали и меня, когда я ходил из города в город. Женщины с пустыми глазами, кроткие юноши, готовые на все, кроме работы, стареющие мужчины, в иных обстоятельствах готовые отдать за гетеру последние сестерции...

Я вернулся на берег, а Иоанн продолжил свою работу в воде. Но люди вокруг стали смотреть на меня иначе – с нескрываемым благоговением. Меня накормили и поднесли вина, я лег в тени кипариса на чьи-то заботливо подстеленные циновки. Какая-то женщина села рядом, глядя на меня с обожанием, и провела ладонью по моим волосам. Я подумал, что ее молодое тело вполне достойно меня, и велел ей навестить меня ночью...

Люди подходили и прикасались ко мне, повторяя слова, сказанные Иоанном: «О нем, о нем говорили пророки!»

Иоанн поступил правильно. Он стал не просто очередным проповедником, которого я убрал со своего пути, а частью моего учения.

После встречи со мной Иоанн продолжил с помощью воды приобщать людей к вечной жизни – в Еноне, близ Салима. Не думаю, что он впрямь дарил людям вечность, которая и так дана каждому с рождения. Просто это нравилось и ему, и людям. Но теперь, во время каждого своего ритуала с водой, он говорил обо мне. Конечно, это делало меня известнее и сильнее.

Глава 3

Пустыня

Я был один в пустыне, и голова кружилась от голода. Я чувствовал легкость, хотя четвертые сутки почти не ел. Днем там страшная жара. Земля, покрытая желтым песком, известняком и галькой, пышет жаром, и я прятался в пещере рядом с ущельем, на дне которого был источник, а ночами спал под открытым небом на подстилке из верблюжьей шерсти. Незадолго до рассвета я вдруг проснулся. Далеко впереди виднелись темно-серые очертания гор, и созвездие Ас хищно выжидало чего-то, как и во времена праотца Иова.

«Я должен уединиться, чтобы ничего не мешало моей молитве», – сказал я своим людям, и они остались ждать меня там, в часе ходьбы на запад, у границы пустыни, в чьем-то фруктовом саду. Среди них были две мои новые жены. Одна собиралась скоро родить. Я не знал, сколько к тому времени у меня было детей. Женщины приходили к нам и уходили.

«Когда-нибудь вся эта каменистая земля станет ложем любви для народа Израиля, и мы обретем неугасимый огонь истины». Вроде бы это пустые пышные слова, думал я, глядя в ночное небо, но, если говорить людям такие вещи, подкрепляя их предначертаниями вдохновенных пророков, толпу можно повести за собой на что угодно, даже на очередное восстание против Рима, которое заведомо кончится провалом. Это занятно.

Как на моем цельнотканом хитоне не было швов, так и в том, что я говорил людям, не должно было быть слабых мест. Я наконец научился искусству оратора – главному ремеслу современного человека. Мир очень изменился за последние годы, народ жаждал чего-то нового, и я особенно это чувствовал, потому что не сидел на месте и знал, что говорят люди, тысячи людей по всей еврейской земле.

В пустыню я взял с собой несколько лепешек из инжира с изюмом – отщипывал понемногу и жевал, когда становилось совсем невмоготу. К тому времени я привык сытно есть и даже немного раздобрел. Я почти ни за что не платил, всё покупали (а иной раз и воровали) мои люди. Для этого всего лишь надо было поддерживать в них на должном уровне чувство вины и готовность к раскаянию. Но при этом я уже немного устал от постоянной свиты. К тому же репутацию учителя надо было подтверждать не только в словесных дуэлях с книжниками, но и на деле, например недолгим походом в пустыню, так делали многие великие учителя. Поэтому я и оказался в пустыне.

И все-таки очень хотелось есть...

Интересно, думал я, чем питался Давид, когда прятался в пустыне от царя Саула?

Я стал думать о еде. Не надо было этого делать, не надо было поддаваться искушению мечтать о вкусной пище. В конце концов, я ведь пришел в пустыню молиться. Но...

Нежная, шипящая на жаровне козлятина с шафраном, перцем и тертыми орехами...

«Господи, – подумал я, отгоняя от себя эту козлятину с шафраном, – обрати на меня взор!.. Чего ты прячешься от меня, чего ты выжидаешь?»

Но вокруг сохранялось безмолвие, и не было никаких привычных звуков ночи, потому что на голых камнях не было ни травы, ни цикад в ней, ни других букашек. И не слышно было криков птиц, которые питаются этими букашками... Вечное безмолвие, наполненное мудростью – никому не нужной мудростью, потому что постичь ее во всей полноте все равно невозможно.

Не было ни звука. Хоть бы шакал заплакал! Лишь сновали призраки чьих-то забытых и незабытых страшных грехов.

Вдруг невыносимо захотелось простого, свежего и душистого блюда: мелко нарезанный эндивий, петрушка и лук, все это приправлено медом, солью, уксусом и маслом. Подается с

кусом овечьего сыра. А сделано смуглыми руками юной голубоглазой иудейки из знатной семьи... Девушки, примкнувшей к нам, но еще не испорченной никем из моей свиты.

Захотелось выпить чашу яин-яшан⁹, отрезать кусок от жаренного в печи молодого барашка с густым, как остывающая кровь, соусом из виноградного сиропа. Захотелось оливок, выдержанных в уксусе...

Да хотя бы просто свежего жареного зерна, политого маслом!

Кумранские отшельники всю жизнь проводят в пустыне. Не они ли настоящие подвижники? А я кто? Жалкий мечтатель, выдававший себя за посланника истины. Но если я мог дарить людям надежду, я должен был это делать. Что толку сидеть в пустыне ради спасения лишь своей души?

Иногда я с ужасом думаю, что вся жизнь человека подчинена исключительно еде, как будто цепи волнующих событий – само рождение и смерть, триумф и любовь – нужны только для регулярного утоления голода. Поговаривают, даже прославленный поэт Квинт Гораций Флакк заявлял, что живет по большей части ради выращивания базилика и капусты.

Я лежал под небом пророков и видел копченые говяжьи ребра, похлебку из бобов с луком и специями, фруктовые пироги, горячие лепешки с медовой пастой из миндаля и фисташек... Пир проплывал у меня перед глазами один за другим.

Пища! Радость пищи! Даже Моисей перед смертью пел о меде, сочащемся из скалы, и о масле из кремнистого утеса. А еще о пенистом соке винограда.

Мне слышались какие-то шлепки и хохот, рычание ручного леопарда и звон его цепи, я видел, как нагие рабы внесли корзины с лепестками роз, чтобы рассыпать их по мраморному полу среди колонн, и там, в облаках этих лепестков, началось неистовое совокупление, с быстрым чередованием изумительных задниц, горячее блаженство. И сразу после бурного извержения – еда, еда...

Хор мальчиков пел для меня!

Нет-нет, это был мертвый звон пустыни. Неудивительно, что сам пророк Илия хотел в отчаянии умереть там, сидя под можжевельным кустом.

– Господи! – крикнул я что есть сил. – Я здесь, я жив, я настоящий, Господи! Я подлинный человек, разве ты не понимаешь? Что за проклятие? Почему ничего не меняется? Открой мне глаза!

Сколько таких воплей поглотила Иудейская пустыня? Но я решительно приподнялся на своей подстилке и встал на колени, молитвенно сложив ладони на груди. Я был исполнен уверенности, что получу откровение здесь и сейчас.

Я напряженно всматривался вперед и вверх, ожидая божественного присутствия, как вдруг каменистая пустыня посветлела, хотя небо оставалось темным, затем погасла луна, словно ее проглотил Апофис, и откуда-то появилось существо, похожее на человека, грубо вылепленного из теста. Или на белую раздутую мумию. Голова ее выглядела как шар с выгнутым стеклом вместо лица, в котором мелькнуло мое маленькое отражение. Мумия двигалась необычайно медленно, задерживаясь в воздухе после каждого шага, и несла в руке тонкий шест с прямоугольным куском материи, на которой были пурпурные и белые полосы и звезды на синем фоне, но не шестиконечные, как в орнаментах Храма, а с пятью лучами.

Я замер, стараясь не выдать себя. Я не испытывал страха, а мумия не обращала на меня внимания либо не видела, что более вероятно. Она воткнула свой шест между камней прямо у меня перед носом, при этом загадочная цветная материя почему-то оставалась в развернутом состоянии, хотя ветра не было. Мумия стала удаляться плавными шагами, будто невесомая. К спине у нее был прикреплен какой-то белый ящик. Я смотрел ей вслед, и мне почему-то казалось, что весь мир стал вдруг безлюдной каменной твердью, как на второй день творения.

⁹ Старое вино (ивр.).

Настало утро пятого дня в пустыне. По голым холмам я пошел назад, к людям, нельзя было больше там задерживаться, я мог сойти с ума или попасть в плен к бедуинам, которые сделали бы из меня раба. Я мог просто настолько ослабнуть, что не нашел бы сил вернуться... Я мог стать добычей львов, которые появлялись в тех местах.

Конечно, мои люди искали бы меня, но нашли бы?

Что означало мое ночное видение? Сон ли это был? От которого не осталось и следа в пыли? Кто это безмолвное существо, раздутое, как утопленник? Оно не хотело причинить мне вреда и делало свое дело, только в интересах каких сил? Но мне кажется, это добрый знак. Может быть, это нельзя назвать истинным откровением, но и это неплохо. То, что делала эта белая, грациозно парящая мумия, напоминает... утверждение победы. Может быть, это торжество духа над плотью?

Солнце поднималось, тени от камней становились медленней и короче, повинаясь вечному ритму, который заставляет плясать все живое под неумолчную флейту смерти. Я шел на запад по бесплодной сухой земле, но раз в год даже там случается чудо: в те редкие дни весны, когда наверху близ Иерусалима идет дождь, пустыня преобразается, из ущелий раздается гул жизни – бегут потоки воды и на короткое время все вокруг покрывается нежной зеленью.

Так когда-нибудь небеса отверзнутся, и мы, бродяги и возмутители душ, станем теми, кем являемся на самом деле. Мы обретем себя, и в нашу честь воскурят благовония. Мы есть у нас самих – и только в этом слава всех царств мира. Надо иметь хотя бы каплю, каплю решимости – и камни вокруг станут хлебами, а на иссохшем дереве дряхлой веры появятся белые и розовые цветы.

Когда я вернулся из пустыни, то узнал, что мой пылкий друг Иоанн, мутивший воды Иордана, взят под стражу по приказу царя Ирода и сидит в тюрьме крепости Махерон. Я опечалился, но надо отдать должное его гонителю – Ирод долго терпел. Зачем Иоанн публично обвинял царя в том, что тот совратил жену брата и женился на ней, отослав куда-то свою жену? Какое дело нам было до этих страстей? Ирод – слабый царь без настоящей власти, угнетенный зависимостью от Рима, да еще получила огласку история с его женщинами. Зачем Иоанн прицепился к нему? По всей Палестине каждый день происходило такое, что и подумать страшно, но гнев Господень через Иоанна был обращен на жалкого Ирода. Это было так же глупо, как нападать с мечом на петуха, который топтал своих кур.

Глава 4

Кафарнаум

Я бродил по Галилее, и все больше народа стекалось слушать меня. Каждое утро я встречал рассвет где-нибудь на уединенной вершине холма либо на утесе. Нет ничего лучше этих минут, когда воздух еще прохладен и солнце косыми неизбежными лучами призывает к ответу каждую пташу, каждого скорпиона, каждую мышь. Одно существо отвечает солнцу тем, что поддыхает на камнях от жажды, другое – тем, что подставляет теплому свету свой бок. Это – язык, на котором все общаются с солнцем. В этом языке есть только три слова: жизнь, смерть и жертва, ведь египтяне режут баранов и гусей во славу солнцеликого Амона, таким образом беседуя с ним.

Но каждый мой рассвет на этих вершинах омрачала мысль, что и в этот день люди будут искать способ уязвить меня, добиться какой-то неистовой правды, кричать о божественных законах, о которых они знают не больше, чем свинья про эллинскую скульптуру, и при этом будут клеветать, лжесвидетельствовать, истреблять урожай соседа и поджигать его дом. Ради высших целей, конечно, в которые верят. Если собрать эти иллюзии вместе, можно уничтожить мир.

При этом я не считал преступлениями многое из того, что предписывают законы Рима. Например, измена государству. Что это? Что есть государство? Сады, долины и горы? Животные? Или люди? Но какие? Изменить можно только кому-то, нельзя изменить всем. Там, где трое или более собираются во имя справедливости, Бога нет, ведь любую толпу ведет за собой только безумие.

И если Бога нет, то, получается, там его нет вдвойне. А если Бог есть, он не безумен. Он часто беспощаден и циничен, ему нравится не оставлять шанса, но чертогом истинного безумия правят низшие демоны.

И можно ли верить закону из Таблиц, согласно которому младенец, отличившийся исключительным уродством, должен быть лишен жизни? Я сомневаюсь, потому что уродство – это случайность, которая допущена Богом. Кто знает, быть может, младенец, имеющий по шесть пальцев на каждой руке, когда-нибудь вызволит свой народ из рабства. Меч справедливости рука с шестью пальцами будет держать крепче.

А вот что касается двух голов или трех ног... Здесь надо предоставить младенцу возможность выжить, разве что не заботиться об этом больше, чем мы заботились бы о совершенно здоровом ребенке. Чтобы не превращать заботу об уроде в маленький культ... Ведь избалованный урод может вырасти и стать тираном более свирепым, чем неизбалованный тихий красавец.

Встретив рассвет, я спускался вниз, к людям. Там меня обычно уже ждали, хотели слов утешения, целовали мне руки, плакали, жаловались, скорбели и несли мне подарки. Но иногда мне было так трудно! Одно доброе слово – и будто передвигаешь тяжелый камень. Я был одинок, даже находясь в центре толпы. Даже когда возлежал с двумя женщинами сразу.

А бывало, я сидел на горе долго, в оцепенении, пока не начинало припекать, тогда за мной приходил кто-то из учеников и вел вниз, к мужчинам и женщинам, восторженным глупцам и скептикам, которые задавали нелепые вопросы, спорили со мной до беспамятства, книжники требовали разъяснения трудных мест Писания и упрекали меня в извращении учения, в отступничестве, говорили, что я лживый и неразумный человек. Иногда за этими разговорами некогда было поесть.

В то время в Кафарнауме, на берегу Галилейского озера, я жил в доме, вход в который стерегли два мраморных льва. Прежде мне не доводилось даже заходить в такое богатое жилище.

Дом принадлежал состоятельной и благочестивой вдове военачальника, погибшего во время подавления восстания Такфарината в Африке, и она позволила мне жить в этом доме, в том числе распоряжаться тремя рабами-галлами и вольнонаемным поваром, а сама переселилась к родителям.

Рабам я, конечно, сразу подарил свободу, но они в нее не поверили и добровольно продолжали выполнять обязанности по уходу за домом и садом.

Что ж, меня это устраивало. Я ведь не из тех евреев, которые за разбитую вазу сажают своего раба в садок с муренами или ставят тавро *serva*¹⁰ юной варварке на ягодицу. Но что, если кто-то ценой своей жизни подарит свободу целому народу, а народ не примет этот дар?..

Я понравился вдове, когда проповедовал в местной синагоге и перед толпой рыбаков укорял тамошних учителей Закона тем, что они не помнят наизусть всю Тору.

Как и прежде, ко мне приходило много злых людей, ищущих наживы, а то и беглые преступники. Например, мужчина, который совратил весталку в Альба-Лонге и скрывался так далеко. Удивительно! Я притягивал неимущий сброд. Одни беглецы. Но и в них был толк, они разносили слух обо мне, и этот слух доходил до тех добрых людей, которые могли помочь мне деньгами. Немного слов – и всё в твоей власти, ты на коне. Они искали новой жизни – пожалуйста! Свобода от имущества, свобода от семейных уз и (тише!) свобода от законов Рима.

Мне нравилось в Кафарнауме. Зеленый город. Всюду фруктовые сады, пальмы, и виноградники подступают к голубым водам моря, в котором изобилие рыбы... Олеандры, миртовые кустарники с белыми цветами. Там нет изнуряющей жары, а урожай – в течение всего года. Недаром говорят, что в Галилее легче вырастить рощу масличных деревьев, чем в засушливой и пустынной Иудее одного ребенка.

Во дворе вдовьего дома располагался маленький фонтан с дном, украшенным искусной мозаикой: Левиафан среди прислуживающих ему мелких морских гадов. Омовение в этом фонтане всегда быстро приводило меня в чувство, если я долго спал или переусердствовал накануне с вином. Из восточных окон дома открывался прекрасный вид на озеро и благословенную землю вокруг.

Ну и конечно, молодые женщины. Дом был открыт для них. Если Бог все-таки есть, именно они его главное орудие.

К тому времени со мной находились три постоянных ученика, которым я доверял: Андрей, Симон и наивный, как дитя, Иуда. Эти ученики отсеялись из сотен случайных и бесполезных мужчин, восторженных простаков, которые хотели видеть во мне совершенное существо, а видели, к их великому огорчению, мужчину, вкушавшего плоды земные в свое удовольствие, пившего неразбавленное вино и утешавшего привлекательных женщин, отдавая предпочтение мулаткам. Он гневался, он смеялся и не склонен был обличать всё и вся, в отличие от многих бродячих проповедников. И, конечно, он не отличался ненавистью к Риму, а ведь глубина ненависти к врагу – это мерило святости для простодушного народа...

Ни тогда, ни позже я не спрашивал своих учеников, откуда они пришли, где их дом и родители, а они не открывали этого мне. Я знал о них только какие-то очевидные вещи: Андрей менее распутен, чем другие, а еще обидчив; неуклюжий Симон добродушен и забавен; Иуда моложе других и очень сильно привязан ко мне, может безропотно выполнить любую мою просьбу. И каждый из них был очень сообразителен и ловок, если дело касалось нашей общей выгоды.

Эти мои три ученика зачем-то убедили весь Кафарнаум в том, что я пришел освободить евреев и стать царем. Это меня пугало. Римляне терпят многое, но с властью расставаться не будут, даже если на нее претендует (только на словах!) смехотворный царек какого-нибудь захолустного поселения. Не зря говорит император Тиберий, что власть – это волк, которого

¹⁰ Рабыня (лат.).

он держит за уши. И это усугублялось тем, что в Кафарнауме постоянно находился отряд легионеров.

А ведь я говорил не о примитивной власти, нет, совсем о другом: наслаждайтесь тем, что есть, каждой минутой, а уходя – не берите с собой ничего лишнего. Свобода от предрассудков важнее, чем царский трон! Можно сидеть в клетке и петь песни, сохраняя радость в сердце.

В Кафарнауме я начал постигать искусство врачевания – местный лекарь Априм учил меня. Слишком уж много стало к тому времени приходить ко мне страдальцев, которым требовалось лечить не только душу. Априм рассказал, что когда-то служил в доме проконсула Сирии. Он чтит Эскулапия, ко мне относился с дружеским спокойствием, а иногда даже сочувственно (когда я был в печали), не принимая всерьез то, что я обычно говорил во время проповедей в синагогах. Безусловно, он повидал в жизни немало пророков. Видимо, я был симпатичен ему по каким-то иным причинам. Он больше любил римских и греческих мудрецов, чем премудрости Закона, и среди прочего – Тита Лукреция Кара, часто цитируя что-то из его труда «О природе вещей».

Мудрый Априм отвергал боязнь смерти, саму смерть и потустороннюю жизнь, лишь материя, по его словам, была вечна и бесконечна, а после смерти тела людей просто принимают иные формы существования.

Столбняк, эпилепсия, истерия, лихорадка, астма... Эти слова стали для меня реальностью. В бой с ними успешно (но чаще наоборот) вступали другие слова: кровопускание, порошки, отвары целебных трав.

Я узнал, какими травами лечить мокрую рану, а какими засохшую, и какими мерами отпускать лечебные снадобья, чтобы изгнать воду у водяночных или задержать кровь у кровоточивых, или остановить чахотку и проистекающее от нее истощение.

Прекрасная вещь – лечение в термах, с помощью разницы температур.

Хорошо, что не приводили чумных.

Грустно было, когда приводили стариков, разум которых иссох от времени, и просили их вылечить. Да я сам был бы счастлив оказаться на месте такого старика – это же прекрасно! Ты в блаженном неведении, в мире грез и детских уютных страхов, ничего не понимаешь и по большей части счастлив, если тебя не забыли покормить. Даже если бы я мог возвращать таким старикам ужас осмысленной жизни, я бы не стал этого делать. У меня много грехов, зачем отягощать себя еще и этим?

Глава 5

Кровь

Светало. На полу валялись мои пьяные ученики. Вокруг – остатки пиршества. Рядом спали на коврах голые женщины, имена которых теперь вспоминать нет смысла. До глубокой ночи мы веселились. Было много молодого вина и угощений, а бродячие музыканты играли и пели для нас. Этот праздник устроил нам галилейский торговец Итан, караваны которого ходили в Египет, Ливию и Сирию по средиземноморскому побережью.

Его интересовало все: пшеница, фрукты, воск, лен, кожа и шерсть, микенские сосуды и тирийский пурпур, мирра, пряности, масло, одрисские рабы, вино и оружие. Он превращал это в денарии, драхмы и ауреусы с удивительным упорством и был богат, как Крез.

Этот рыжебородый детина пресытился, захотел чего-то особенного, и мы предоставили ему такую возможность – некоторое время он заботился о нас. Неотесанность у него соединялась с торжественным высокомерием и щедростью.

Еврейский Закон ему наскучил, римские боги справедливо казались чужими, ессейские монахи пугали его нечеловеческой аскезой, вновь вспыхнувшее среди образованных людей Галилеи почитание Исиды он осмеивал – и вот решил сблизиться с нами. Думаю, его смогли бы увлечь орфики своими жизнерадостными мистериями, но он про них не знал.

Я с нежностью посмотрел на своих спящих учеников и женщин, сходил в сад, помочился, выпил финиковой воды из кувшина и уснул вновь на вдовьих шелках.

Этот беспечный симпозиум запомнился мне, потому что случился незадолго перед тем, как мы ушли из Кафарнаума, из дома, который охраняли каменные львы. Почему? Мне казалось тогда, что страстный проповедник, живущий в большом и удобном доме, – это неубедительно, и я не хотел задерживаться там, где было слишком хорошо. Я полагал, людям нужен мессия-странник, спящий под кустом, который презирает блага земные. Сейчас я понимаю, что это не так, – люди верят кому угодно, лишь бы он поощрял в них мечтательное невежество. Но тогда я был наивнее.

И мы отправились дальше.

Здесь стоит вспомнить то, что случилось в Кане – галилейском городке, окруженном пшеничными полями, на которых в отдалении друг от друга возвышаются огромные камни, будто бы оставшиеся от игр древних гигантов. Как только мы там оказались (был вечер), какие-то люди стали уговаривать меня пойти с ними на свадебный пир. Сказали, женится сын местного судьи. Они общались со мной без почтения, чуть насмешливо. Ученики отговаривали меня идти туда, но я все-таки пошел, взяв с собой Иуду. Остальные ученики разбрелись по городу – узнать, чем можно поживиться и не грозит ли нам опасность.

Не люблю свадьбы, это самое абсурдное, что может быть на свете. Вместо того чтобы тихо оплакать свою судьбу где-нибудь в уединенном месте, новобрачные тратятся на увеселение голодных гостей.

И вот я оказался среди них. Меня усадили за стол. Я был голоден, но терпел и не набрасывался на еду – это выглядело бы нехорошо. Дом, в котором все происходило, показался мне очень неудобным – сырым и мрачным, хотя горели свечи на столе и подвешенные к потолку лампы. Я давно заметил за собой способность чувствовать, в хорошем нахожусь доме или в плохом, причем это совершенно не зависит от хозяев. Само место, на котором возведены стены дома, может отталкивать.

Осушались чаши, произносились обычные в таком случае речи, страшные в своей самонадеянной пустоте, в своей надежде на благополучие. Никто меня ни о чем не спрашивал, и это было необычно.

Понемногу я подкрепился, съев мяса с овощами. Иуда грыз яблоко.

Прошло какое-то время, и вдруг распорядитель свадьбы объявил, что кончилось вино. Все притихли, обратив ко мне взоры, и какая-то старая горбоносая женщина с лукавыми глазами сказала:

– Иисус, что нам делать? Винные лавки уже закрыты. Мы слышали, ты умеешь дарить людям радость. Сделай так, чтобы наше веселье продолжалось.

В этот момент я понял, что все они знали, кто я, и ждали моего прихода. Слух о том, что я направляюсь в Кану, опередил меня, и они хотели чуда – либо доказать, что я лжец.

Иуда перестал грызть яблоко и шепнул мне, что нам лучше уйти.

Но это было бы неразумно. Они расценили бы это как мое бессилие...

– Иисус, не прячь от нас то, что ты умеешь, – продолжала говорить эта женщина с напускной кротостью. – Зачем накрывать зажженную свечу горшком? Пусть она лучше будет светить всем, укрепленная на подставке. Яви нам свет и вино, Иисус... Видишь, возле стены стоят пустые кувшины, ты можешь наполнить их?

Я посмотрел на ряд этих кувшинов, больше похожих на сосуды для омовения, чем на емкости для вина, и понял, что надо сделать.

– Принеси мне чистый острый нож и чашу, – сказал я распорядителю.

Он с готовностью исполнил это.

– Я напою вас вином, которое пьянее римского сенатора! – произнес я и провел лезвием ножа по левому запястью, стараясь не нажимать слишком сильно, чтобы пустить кровь, но не повредить жилы.

Кто-то из гостей вскрикнул.

Я направил струю крови в чашу и подождал, когда она наполнится на треть. Женщины, включая невесту, в страхе отвернулись или закрыли лица ладонями.

Какая-то старуха, причитая, кинулась перевязывать мне руку платком.

– А теперь пейте! Все! Пригубите моей крови! Хотя бы намажьте ею свои губы и облизнитесь! – крикнул я, чувствуя, что происходящее парализовало их, а мне вернуло силу и уверенность.

Гости послушно пустили чашу по кругу, и через несколько минут всеобщее возбуждение достигло высочайшей степени. Их опьянило одно осознание того, что они пьют живую человеческую кровь.

И все запели свадебную песню.

Иуда заплакал.

Какой-то бритый человек, про которого мне потом сказали, что он подослан римлянами, сказал с усмешкой распорядителю свадьбы: «Хорошее вино всегда подают сначала, а ты сберег его до сих пор...»

Что ж, кровь чудодейственна, она самая совершенная часть нашего организма и сочетает четыре корня, из которых состоит все сущее: землю, огонь, воздух и воду. У некоторых людей пропорции этих корней отличаются от обычных. Например, моя кровь сильна, потому что в ней больше огня. Но главное, конечно, то, что в крови растворены две души человека – душа *animalis*¹¹ и душа *vegetabilis*¹², поэтому тот, кто пьет кровь, больше ни в чем не нуждается. Кровь – идеальный источник жизни.

Смешно, если эта свадьба была устроена только ради того, чтобы выяснить, на что я способен.

¹¹ Оживляющая (лат.).

¹² Растительная (лат.).

Глава 6

Письмо

В тот день я пришел с учениками в масличный сад недалеко от Каны. Женщин с нами не было. Мы решили пообедать там, подальше от страждущих, которые стекались ко мне. Мы принесли с собой разнообразной еды и разложили ее на земле на куске холста. Выпили эшкольского вина, и у всех было веселое расположение духа. Кроме Иуды, Симона и Андрея к тому времени рядом со мной уже постоянно были Филипп и Матфей. Тихий и обаятельный Филипп бросил жену с детьми из-за необоримой тяги к странствиям; как жил Матфей до встречи со мной, я не знаю до сих пор. Этот задумчивый седобородый муж понравился мне тем, что был образован, а это редкость среди искателей истины, у которых нет ни сбережений, ни крыши над головой. Он все время старательно записывал то, что с нами происходило, используя для этого папирусы и куски кожи, а также иудейские манускрипты и римские повседневные документы, которые случайно оказывались у него. Матфей стирал старый текст, чтобы писать на них, либо мои приукрашенные деяния ложились между строк латыни: незначительных государственных актов, долговых расписок и завещаний, отчетов о сборе налогов и частных писем. Где Матфей брал все это? Присваивал умением втереться в доверие к первому встречному, будь то хоть неграмотный раб-посыльный, хоть римский делопроизводитель. Его жалели и ему верили, к тому же он всегда ссылался на меня. Когда мы уходили из очередного города, Матфей мог взять у кого-то письмо с клятвенным обещанием передать его Елисею в Хайфу или Сусанне в Хеврон, а в результате на этом подчищенном пергаменте оказывалось подробное описание нашего ужина или мое наставление какому-нибудь кающемуся убийце, который, может быть, поступил справедливо, потому что мстил за родственника, но одобрять убийство публично я не хотел.

Правда, Матфей никогда не показывал мне свои записки, и со временем я догадался, что они мало соответствуют действительности – он создавал в них причудливый мир, в котором чувствовал себя как рыба в воде, мало заботясь об истине. Я понимаю, что, согласно Аристотелю, истина относится лишь к соединению и разъединению понятий, но, когда дело касается твоей собственной жизни, события подлунного мира кажутся в высшей степени реальными.

Итак, в тот день мы ели в саду копченое мясо, сладости и пили крепкую сикеру, и я мог вновь ненадолго выйти из роли безупречного учителя. Когда добрый хмель оплел наши сердца, мы громко запели рыбацкую песню, слова которой были нежными и грубыми одновременно, и поэтому не сразу заметили всадников, приближавшихся к нам со стороны дороги на Кафарнаум.

Здесь надо заметить, что мы пели веселую песню галилейских рыбаков, а не одну из тех медленных заунывных песен, которые сочиняют рыбаки Средиземного моря. Думаю, дело в том, что Галилейское озеро не дает своим рыбакам заскучать по дому, они всегда видят родной берег. «Не выпуская из рук сладостнозвучный кимвал, ты на рассвете, мой друг, прекрасную рыбу поймал, – пели мы. – Сеть, острога, гарпун и несколько ласковых слов, месяц весны нисан, красotka в твоих сетях».

Их было пятеро. Главный, мужчина-римлянин в богатых доспехах и красной тунике, слез с коня, отдав поводья помощнику, подошел к нам и спросил, кто из нас Иисус. Поборов страх, я поднялся ему навстречу и как можно приятнее улыбнулся.

У него было красивое нервное лицо. Меня удивила почтительность, с которой он поприветствовал меня, это не свойственно римским военачальникам в общении с еврейскими бродягами: он сжал правую руку в кулак и приложил к груди, кивнув при этом.

Сверкали позолоченные бляхи на его ремне и нагрудные украшения, сверкала полированная бронзовая рукоять меча. Этот человек из благородного сословия источал опасность, воплощал саму природу власти, и на мгновение я подумал, что он приехал взять меня под стражу, но почему-то хочет сделать это с максимальной любезностью.

– Мое имя Маркус Секст, я командир гарнизона ауксилариев¹³, – сказал он. – Я приехал к тебе из Иерусалима просить о помощи, потому что число десять счастливого для меня... Оно привело меня к тебе.

– Что случилось? – спросил я.

– Мой сын давно болен, а сейчас ему стало совсем плохо. Он умирает. Ты – моя последняя надежда. Врачи не в силах помочь – ни местные, ни египетские. Я узнал в Кане, в какую сторону ты отправился, и вот, нашел тебя...

Из дальнейшей беседы с Маркусом я выяснил, что у его семилетнего сына иногда случаются припадки – жар и видения. Я спросил, какие именно видения. Оказалось, последний раз мальчик кричал, что хочет выбраться из своей кожи, как змея, и родиться заново, что тяжелая кожа ему мешает и поэтому он не может летать... Обнадеживало, что при этом не было ни поноса, ни рвоты.

Я понял, что это не смертельный недуг и к тому же наследственный – склонность к такого рода состояниям читалась в движениях самого Маркуса, в его манере говорить и в экстатически блестящих глазах. В общем, его сын просто иногда видел все так, как есть на самом деле, ведь детям это свойственно, и к ним часто ходят гости, о которых родители могут только с ужасом подозревать.

Если время никуда не течет, а мир – это огненный шар, как сказал мне один мудрец из племени измаильского, то сын Маркуса в бреду мог быть кем угодно, даже посохом в руке пророка Моисея. Тем посохом, который превратился в змею. Да, это сложный язык, но только на нем говорит с нами Бог, если не ленится что-то сказать. И этот язык несоизмеримо выше гнетущей очевидности, которая хуже тяжелой болезни.

Да, я был не очень трезв тогда, но славная пенная сикера придала мне уверенности, и я твердо сказал Маркусу, глядя в его страдальческие глаза:

– Не волнуйся, твой сын уже здоров.

Конечно, я рисковал. Но вероятность того, что ребенок вдруг умрет, была невысока (ведь он, по словам отца, не раз переживал эти горячки), а репутацию учителя надо было поддерживать; как виноградная лоза, пересаженная в сухую землю, требует постоянного полива, так и мой образ учителя нуждался в настоящих чудесах (как выяснилось позже, мальчику действительно стало лучше и припадки прекратились).

Маркус поверил мне тогда – и мгновенно изменился. Его лицо просветлело. Откуда у него было столько веры? Ее хватило бы на всех священников Храма вместе с начальником их стражи. Это было воистину удивительно! А может быть, и совершенно обычно... Ведь вера в Бога, вера в чудо, вера в меня или другого человека, который говорит что-то хорошее, суть одна вера, та самая, которая заставляла пророков открывать рты, детей – рождаться, которая создавала царства и города...

Маркус достал из кожаной сумки, пристегнутой к его поясу, сложенный вдвое лист папируса, протянул его мне и сказал:

– Теперь это письмо не дойдет по назначению, такова моя тебе благодарность, Йесус.

Затем он поклонился мне, сел на коня и уехал в сопровождении своих легионеров. Когда всадники скрылись из виду, Матфей, хорошо знавший латынь, прочитал письмо вслух, переводя на наш язык, и я запомнил каждое слово, потому что потом перечитывал его много раз:

«Валерий Грат, префект провинции Иудея,

¹³ Вспомогательные римские войска, состоявшие из местного населения.

сенатору Публию Лентулу

Ты спросил меня о положении дел в провинции. Понимаю, что это нужно для твоего доклада Кесарю, поэтому в предыдущем письме я подробно сообщил почти обо всем, стараясь быть кратким, ибо Он не любит многословия, к коему я сам, каюсь, возымел склонность: и климат, и люди вверенной мне Иудеи столь скверны, что поневоле ищешь спасения в регулярном писании писем, заметок и воспоминаний, сидя в прохладе резиденции за высокими кипарисовыми дверьми.

Итак, в дополнение к уже известному тебе хочу сказать об опасности, которая исходит от религии евреев. Их священники каждую минуту могут превратиться в военачальников, а города – в неприступные крепости. Они фанатичны и непреклонны в желании угодить своему божеству, которое, по их мнению, учит ненавидеть Рим. Увы, это божество нельзя уничтожить хотя бы потому, что нет его статуй. Но религией пронизана вся жизнь евреев, и легче законодательно запретить горячему ветру перекачивать клубки колючек по пустыне, чем запретить этим людям приносить жертвы в своем колоссальном Храме, который все время перестраивается и становится еще больше. Здесь в каждом молельном доме плетутся заговоры, а на каждой площади неистовствует проповедник, призывая к какой-то свободе, хотя эти люди не умеют быть свободными, они сами жертвы в руках своего божества.

Нет никаких сомнений, что главные смутьяны здесь – раввины, поэтому раньше я менял первосвященника каждый год, хотя это вызывало со стороны народа еще большую ненависть ко мне. Я одобрил кандидатуру Анны, а через год он превратился в подобие маленького тирана, разглагольствующего о “голосе крови народа”. После него я утвердил на эту должность Исмаэля, сына Фаби, и все повторилось. Затем в этой роли выступили Элизар, сын Ариана, затем Симон... С тех пор и поныне первосвященником является Иосиф, прозванный Каиафой, он, как ни странно, добродушен и рассудителен, а эти два качества – колонны, на которых зиждется то, что мы называем умом. Иосиф, как и его предшественники, начальствует над Синедрионом – это что-то вроде нашей коллегии жрецов-понтификов, которая заведует религиозной жизнью государства и год за годом спорит о тех или иных аспектах тени, отбрасываемой ослом. Иосиф – полезный посредник между мной и народом Иудеи. Посмотрим, что будет дальше.

Вместе с тем я постоянно занят преследованием и уничтожением банд, возглавляемых отчаянными ораторами, которые одинаково ненавидят и меня, и своих раввинов. Одного такого болтуна-бандита, который принес людям немало горя и принялся оскорблять меня во время допроса, я убил своим мечом, и стоит упомянуть, что в юности он, говорят, был слугой царя Ирода; теперь, наверное, оба прислуживают Плутону в подземном царстве. Откуда берутся эти пылкие евреи, для которых преступление и откровение – одно и то же? Впрочем, бог дает злому быку короткие рога, и этот неблагодарный народ может хитрить, но никогда не сумеет говорить со мной с позиции силы.

Казненные пусть будут забыты, и я перечисляю некоторых смутьянов, разгуливающих на свободе, чтобы ты мог сообщить их имена Кесарю, если Он вдруг пожелает их знать: Захария из Яффы; Иоанн Хевронский; Иоанн Водосвятец; Иоанн Горящий Куст; Шелемия Глас Божий; Самуил, сын Иосифа; Феодосий из Халуцы; Иосиф Отишельник (этот отишельник бродит со своими приспешниками по всей провинции); Иосиф Нагой; Йесус Нацеретянин; Иосиф Горшечник; Иосиф Мытарь; Левий Большая Лампа; Ионафан, сын Есхлеми; Йоханан, сын Заведя; Неемия Самаритянин (убийца, оправданный Синедрионом); Аврей Сын Грома; Варфоломей, сын Таммая; Фома Йехуда; Иеремия Кузнец Слов; Авраам Красная Борода; Авраам, сын Левия (организовал греческий погром в Яффе); Авраам Плачущий Ишак; Учитель из Махерона (имя пока неизвестно, выдает себя за царя); Феодот Говорящий Кедр; Самуил, сын Иуды; Адей, сын Авраама; Матафия Золотой Перст; Иуда, сын Алфея; Арсам из Лидды; Иасон Святая Дубина; Натфей Рыбий Глаз; Феофил Золотые Уста; Феофил, сын Симона; Авиит Быв-

иший Легионер; Савватий Критский (был главарем шайки пиратов, заочно осужден на смерть); Авиит, сын Иосифа; Хаврий Неистовый; Симон Зилот; а также Анна Непорочная Мать из Эммауса и Геула Красноречивая.

Кто-то из них образован, но ходит босиком и с непокрытой головой, чтобы произвести впечатление на доверчивых людей, разыгрывая напоказ страстотерпца, кто-то действительно обладает даром предвидения (увы, этот дар богов могут использовать и воры), кто-то обычный безумец, а кто-то сознательный и последовательный враг Рима. И каждый из них считает своим долгом составлять увещательные речи к народу. Слушая их, люди покидают свои дома, подвергают себя телесным истязаниям, не спят ночами, постятся, впадают в болезненное ликование и раздают имущество на милостыню, а также совершают самосуды и другие преступления. Эти ораторы вносят волнения в жизнь провинции, а значит, угрожают империи.

Есть печальная ирония судьбы в том, что я, префект, связан в своих действиях, хотя мог бы в течение месяца переловить и казнить всех лжепророков и заговорщиков, как это сделал Квинтилий Вар после захвата Иерусалима, когда распял две тысячи повстанцев. С одной стороны, меня сдерживает указ Кесаря, а с другой – угроза волнений, которые могут охватить вверенную мне территорию.

Иногда я выхожу на балкон кесарийской резиденции, где с моря всегда дует бриз и можно обойтись без раба с опахалом, смотрю на лес мачт разномастных кораблей в гавани и ловлю себя на мысли, что хочу уплыть отсюда на любом из них. Я завидую иноземным купцам, которые гостят здесь недолго и отчаливают, избавленные от необходимости видеть эти лица и слышать эту речь.

Бывает, я ловлю преступников, а Синедрион отпускает их. К тому же за неимением хотя бы нескольких злых богов евреи обожествляют меня и мечтают отравить или проткнуть кинжалом.

Сама природа этих людей такова, что, разглагольствуя о добродетели, они мечтают о мести и священной войне, потому что образование им заменяет Тора – собрание местных легенд.

Мы можем помогать этим людям, но они пойдут на любое преступление, лишь бы их обычаи не были разоблачены. Они не хотят дружить с богами, а верят в то, что должны подчиняться своему единоличному божеству, как рабы. Они не приемлют гражданских законов и не могут отчеканить две одинаковые монеты одного веса. Они даже не знают, что город можно построить согласно плану, дабы он не стал хаотическим нагромождением зданий. Они верят воплям сумасшедших у городских ворот, но не признают ни медицины, ни публичного права. И между ними самими нет мира – они часто приходили ко мне, обвиняя друг друга в богохульстве и требуя расправы, пока я не стал вместо судебного разбирательства сажать в тюрьму на месяц и обвиняемых, и истцов.

Как видишь, я очень нуждаюсь здесь в советах камены Эгерии¹⁴, но даже она, наверное, не знает, что нам делать с религией евреев, которая, как мне кажется, может скоро превратиться во что-то еще более дикое. Моя тревога в этом письме предназначена только тебе, Публий, я не хочу, чтобы Кесарь считал меня изнеженным паникером. Нет, я решителен и при необходимости жесток, иначе не смог бы столько времени управлять этой бесплодной провинцией с темным будущим.

Преданнейший твой

В. Г.

Иерусалим, 7-го месяца, 12-й год правления Тиберия Кесаря».

¹⁴ Итальянская нимфа, помогающая в разрешении вопросов политической и религиозной жизни.

Это письмо опечалило меня, а еще больше – учеников. Оно означало, что я был врагом империи для префекта провинции, а значит, и для всех остальных. Мое имя было выхвачено из мрака, в любой день со мной могли расправиться, и единственным спасением от этого было перестать свидетельствовать о Боге Живом, распустить учеников, лечь на дно, словно дак моше рабейну¹⁵, поменять имя... Но меня успокаивало то, что письмо не дойдет в Рим (если оно, конечно, не было копией), и то, что Валерий Грат, судя по всему, не решится преследовать еврейских проповедников без разрешения императора. Я должен был просто привыкнуть к тому, что за мной вот-вот может начаться охота, и не придавать этому большого значения. Я попросил Матфея сохранить письмо и строго запретил ему портить его новыми записями поверх текста.

Я понял, почему Маркус приехал ко мне – я был десятым в списке тех, кто мог ему помочь.

Чтобы ободрить учеников, я призвал их удивиться тому, какой веры исполнен Маркус, притом что он не еврей. Человек из племени захватчиков. Представитель надменной и хищной империи Рима проявил веру, которая поистине заслуживает Божией любви, и он, Маркус, обретет спасение, в отличие от многих нерадивых сынов нашего царства.

Меня немного повеселило то, что мое имя присутствовало в письме вместе с именами первосвященников. Что касается других имен... Я встречал некоторых из этих проповедников и считаю, что они не только не опасны, но и просто не заслуживают упоминания. Авраам Красная Борода – обычный пьяница, впрочем, не лишенный обаяния; Феодот Говорящий Кедр – достойный сочувствия мечтатель, решивший, что получил божественное откровение от белки, живущей на кедре, а Геула Красноречивая устраивала свадьбы детей, аргументируя это тем, что на небесах скопился большой запас еврейских душ, которые должны как можно скорее получить свои тела.

Мы провели в саду весь день, а на закате, когда каменистые холмы вдалеке стали сначала золотыми, а потом, с наступлением сумерек, красными и фиолетовыми, отправились обратно в Кану, в один из тех ничем не примечательных домов, которых у нас было много.

¹⁵ Камбала, рыба пророка Моисея (ивр.).

Глава 7

Иерусалим

Иерусалим – злой город. Он притягивает бесконечностью прямых и закругленных углов зданий на кривых улицах, гулом толпы, угольным дымом печей, в безветренный день окутывающим все, притягивает возможностью увидеть новое. Ароматы пряностей на рынке и вонь мясных рядов, смешение звуков, народов, союз медных и серебряных монет. Или вдруг мелькнет вечное золото в осторожных руках торговца, который для верности третий раз пересчитывает ауреусы. Здесь сирийцы, египтяне, набатеи, даки, мидийцы, кадусии, лукавые развращенные эллины; здесь безродные откупщики и братья-иудеи, от которых надо держаться подальше, если ты осмотрителен, – не сомневайся, они найдут способ под благовидным предлогом опустошить твой дорожный мешок, а если сильно не повезет, прирежут в темном углу возле винной лавки и бросят в Змеиный пруд или в канаву с нечистотами, где тебя сожрут собаки, даже если еще будешь дышать и дергаться. Здесь римские сановники в тогах с пурпурной полосой и невозмутимые рослые легионеры, а ненавидящий их сикарий прячет кинжал под плащом; здесь можно на час или навсегда купить девушку или юношу любого оттенка кожи и выгодно продать стадо краденых и меченных фальшивым клеймом овец. Лавки с товарами на любой вкус и кошель. Толкотня, крики. Двигутся толпы – засаленное тряпье сельских богомольцев, простые серые одежды горожан, льняные хитоны до пят и тонкие, как паутина, восточные ткани на богатых женщинах. Солнце блестит на копьях иудейской стражи, патрулирующей улицы. Возле Храма вдруг засияло среди расступившейся толпы баснословно дорогое облачение священника, украшенное золотыми колокольчиками. Вот он, великий Храм на холме, место сотворения Адама! Поднялся над лачугами бедняков и домами приличных людей, нависает над шлемами римских всадников и этим злит их. Камни вокруг его жертвенника не высыхают от крови и жира лучших животных, пространство между рогов луны сотни раз заполняется светом, а в нем не смолкает молитва и не гаснут лампы. «Тот, кто не видел Храма Ирода, не видел прекрасного здания», – говорят люди и не врут. Великолепный Храм, не принадлежащий никому, центр всех малых домов Моисея, где день и ночь воскурятся ароматные травы, притупляя запах вскрытой плоти. Четверть миллиона агнцев будет заколото в нем во время дней Песаха – пол возле жертвенника имеет наклон для стока воды от замывания крови. Огромная голубая завеса перед святилищем колышется от ветра, притягивая взгляды. Храм – это возможность. Храм – это решительность. Это власть.

Иерусалим – город темных подвалов и темных глаз. Наделенный дикой жизненной силой, он припал к пустынной иудейской земле, как ящерица к раскаленному солнцем камню.

Я оказался в Иерусалиме вечером накануне Песаха. Со мной были Иуда, Андрей, Симон, Матфей и Филипп, мы пришли с караваном богомольцев, оставив наших женщин и помощников в Галилее.

Входя в город, я с грустью вспомнил свой первый Песах здесь, умершего отчима Иосифа, но по-прежнему не испытывал хороших чувств при мыслях о матери.

Мы переночевали в Верхнем городе, в богатом квартале, нас приютил одинокий старик, с которым Симон успел познакомиться на рынке. Он пообещал старику помочь вылечиться от подагры. Когда утром мы уходили, старик напомнил об этом, и я посоветовал ему отпаривать ступни в отваре иорданской колючки, метельника и расторопши.

В городе было беспокойно, войска префекта вновь отгоняли протестующих от его дворца. Накануне были казнены несколько zelотов, которые, как всегда, готовились к бунту, не желая быть всего лишь птицами, сидящими на ветви чужой империи.

Да, Иерусалим влек меня, я чувствовал свою силу. Казалось, могу убедить кого угодно в том, что я – тот посланник, о котором говорили пророки. А что есть Бог, если не радость встречи и удовольствие? Упоительная власть и блаженный покой. Никто не может управлять миром справедливо: книжники одолеваемы своими страстями, постники-назарее другими, а римская власть – это просто машина под прикрытием тряпичных богов. И никто не скажет народу Израиля: возрадуйся в мире, избранный! Не трать деньги на жертвы для Храма, не плати налоги кесарю. Будь сильным! Ищи новый путь! Уважь Бога медовой лепешкой, ладаном и песнопением, такие дары Ему милее убоины и ножа в жертвенной корзине!

Но город был сильнее меня. Иерусалим был чудовищем, которое занималось глубокомысленным наблюдением за стадиями собственного распада. Вокруг моих рук, казалось, скользили синие молнии, я был страстью Духа и мог возжечь взглядом светильник, но сон Иерусалима был еще слишком крепок. Вол знает своего хозяина, осел – ясли своего господина, птица – свое гнездо, но Иерусалим пока еще не хотел знать меня.

Однако я решил вступить в диалог с городом. Я знал, что должен быть ревностным и бестрепетным учителем, и меня не останавливало то, что легче было услышать ответ, разговаривая с дохлой лошастью, чем со своим родным народом и городом, ставшим символом народа.

Утром я велел ученикам выпить вина и повел всех к Храму. Матфей догадался, что мы идем не просто помолиться и принести жертву, и ему стало страшно. Он вспомнил про письмо Валерия Грата и повторял, что, случись чего, нас примут за бунтовщиков и будут судить. Я успокоил его.

Мы приблизились к восточным воротам Храма. По обеим сторонам от них теснились торговые лавки и столы менял. Я вспомнил, как много лет назад эти корыстолюбцы обманули моих родителей. Волна негодования поднялась во мне, и люди в толпе стали отшатываться от меня, будто опаляемые невидимым огнем, а торговцы и менялы боялись смотреть мне в глаза. Жадность – вот один из мерзейших пороков наших людей.

Менялы бесконечно обманывают нас возле нашего же Храма!

И вонь! Вонь от сотен голов жертвенного скота во внутреннем дворе, примыкающем к самому святилищу! Овцы, быки и горы навоза... Вот оно, сокровенное добро священников, которые смеют поучать народ.

Навоз, алчность, недоверие... Звон монет заглушал пение левитов. Надменная жадность одержала победу, мозаичные полы и портики были заняты прасолами и ростовщиками, погонщиками быков и овец. Навоз, разливы навоза! Около храма Венеры на горе Эрике и то было чище, и язычники там действительно молились, а не устраивали зловонный базар... Или возле храма сирийской богини в Гиераполисе...

Хоть кто-то должен был сказать правду! Скверную правду, что серебро в Храме стало изгарью, а вино Храма испорчено стоячей водой. Но нет, все вокруг были захвачены этим бурлящим потоком. Казалось, будто все это видел и осознавал только я...

Было солнечно, мое сердце часто стучало после двух кубков чистого вина.

Я велел ученикам стоять и ждать меня, схватил длинный кожаный ремень с прилавка какого-то торговца и побежал во двор, где томилась скотина. Я кричал и размахивал ремнем, выгоняя коров и овец на прилегающую улицу, и каждое мгновение удивлялся тому, что меня еще никто не остановил. Я поскальзывался в лужах навоза, падал, вставал и с проклятиями хлестал животных ремнем. Толпа замерла, наблюдая за мной. Выгнав несколько коров, я побежал к ближайшему меняле и перевернул его стол с монетами, затем – к другому, сделав то же самое. В рукаве следующего менялы блеснул нож, и я не рискнул к нему приблизиться. Возбужденная толпа редела, и я закричал менялам:

– Это дом моего отца! Я сын Бога, слышите?! Больше не делайте из Храма дома торговли! И вашим священникам передайте! Мое имя Йесус! Запомните, алчные недоумки!

Меня окружила уstraшенная и оскорбленная толпа. Но все понимали, что я рискую жизнью, и поэтому невольно испытывали ко мне уважение. Вопили менялы, растерявшие часть своих денег. Ученики как могли оттесняли от меня любопытных, некоторые люди кричали, что знают меня и что я преступник.

– Почему священники, левиты и служащие при Храме освобождены от всех налогов?! – продолжал я. – Потому что они превратили людей в скотину! Но скоро это кончится! Скоро уже!

Схватить меня никто не решился только потому, что после беготни за скотиной и падений я весь был перемазан навозом.

Приблизился какой-то старый высокий священник с длинной и темной, как корабельный вар, бородой, схватил меня за единственный край одежды, оставшийся чистым, и прорычал:

– Кем ты себя возомнил, сумасшедший? Зверь! Ничтожество!

– Я разрушитель! – заорал я так, чтобы слышали все вокруг. – Вы погрязли в невежестве! Я разрушу Храм из дерьма и построю новый! Сам! Своими руками! – И я потряс ладонями перед лицом священника, перед его страшной, блестящей умасленными кольцами, черной бородой, затем переглянулся с учениками, и мы побежали, расталкивая зевак.

Андрей оступился, упал на прилавок торговца стираксой¹⁶ и голубями, которые заматались внутри своих опрокинутых клеток, вскочил, оттолкнул торговца и благополучно догнал нас. С минуты на минуту могла появиться стража Храма, и тогда мы оказались бы в беде. Сбежав с Храмовой горы, мы затерялись в переулках Нижнего города. Нас никто не преследовал, и это еще одна из случайностей, благодаря которым мне удалось спастись.

Я был истощен духовно, но понимал, что не мог поступить иначе. Все были напуганы, кроме Филиппа, который удивительным образом сохранил радостное спокойствие. Мне раздобыли чистую одежду, и в тот же час мы бежали из Иерусалима. Я чувствовал голод города, казалось, его камни стонали от желания впитать мою кровь. Назад, в Галилею!

Ведь я сказал им страшную, немыслимую вещь – что разрушу Храм, на который истрачено столько сокровищ за сорок шесть лет строительства! Тысяча священников строили его своими руками, потому что только они, избранные, имеют право прикасаться к этим глыбам белого и зеленого мрамора, а еще десять тысяч человек были заняты на вспомогательных работах... И против всего этого торжества постепенности, рассудительности и вечных правил – я один.

Сейчас я думаю, а стоило ли устраивать все это? Нужен ли Храм вообще? Ведь один визит к хорошему лекарю для страждущего человека полезнее, чем многолетняя пасхальная жертва чистой монетой, пусть даже из этого Храма уйдут ложь, зловоние и корысть.

¹⁶ Ароматная смола, покупалась верующими для сожжения на жертвеннике Иерусалимского храма.

Глава 8

Шаммай

Мы решили идти в Галилею по Самарийской дороге. Торопились, хотели скорее отдалиться от Иерусалима, и только к вечеру следующего дня, будучи на севере Иудеи, остановились для отдыха в старом масличном саду возле ручья, неподалеку от селения Хазе-Эль, жители которого известны тем, что ведут свой род от царя Зимри, правившего всего семь дней, а еще больше тем, что умеют делать пенную сикеру из ячменя и хмеля и великолепно готовить печенную с травами ягнятину.

Это место облюбовали и другие путники – поодаль виднелись полосатые черно-серые шатры, женщины стряпали что-то, бегали дети, паслась скотина.

Мы устроились неподалеку. Матфей развел костер и принялся писать что-то на одном из своих папирусов. Остальные ученики ушли в селение раздобыть еды, может быть, знаменитой местной ягнятины – у нас еще оставались кое-какие монеты, хотя последние дни мы их только тратили и не устраивали проповедей с целью заработать.

К тому же я старался быстрее унести ноги из Иерусалима, не привлекая внимания, и тут уж было не до сбора средств посредством пылких речей.

Деньги у нас подолгу не задерживались, я заставлял учеников делиться с неимущими, да и сами себе мы мало в чем отказывали, стараясь каждый день превратить в праздник.

Я спустился к ручью и три раза умылся чистой проточной водой. Затем мне стало интересно, что за люди раскинули шатры рядом, я направился туда и, подойдя ближе, увидел, что под толстым полуиссохшим масличным деревом в кресле сидит старик. Этот старик взглянул на меня с такой скорбью, что она, казалось, окружала его серым облаком, подобным туче молнии.

Дерево, под которым расположился старик, было столь древним, что, наверное, помнило Вавилонский плен и воинов царя Навуходоносора.

По сравнению с этим человеком я почувствовал себя мальчиком. Мне захотелось, чтобы он положил мне руки на голову и благословил меня, но это была рожденная слабостью и усталостью от дороги робкая мысль, которую я тут же отогнал прочь.

– Кто ты? – спросил старик и, не дожидаясь моего ответа, продолжил: – Я, кажется, знаю. Ты один из этих, которые думают, что им принадлежит будущее. Назови свое имя.

– Йесус из Нацерета, – сказал я. – А как мне обращаться к твоим почтенным сединам?

– Шаммай, – произнес старик.

Я понял, что вижу известнейшего законоучителя, о котором слышал еще в детстве. Этот человек всю жизнь провел в дороге и проповедях, обустроивая духовную жизнь народа, с ним встречались цари и великие мудрецы; такие, как он, дарили евреям радость быть евреями, но он был жесток, по его прихоти было совершенно немало казней за религиозные проступки, в других странах считающиеся незначительными.

По желчному и суровому лицу старика было видно, что это очень сильный человек, но он угасал телесно, как угасали ветхие истины Закона, свет которых он нес всю жизнь.

Заметив меня, к нам быстро подошел кудрявый юноша могучего телосложения, по-видимому, внук Шаммая, он спросил старика, всё ли в порядке, не мешаю ли я ему. Шаммай движением руки приказал ему отойти, юноша повиновался.

Оказалось, в шатрах расположилось большое семейство Шаммая, и сейчас он уединенно молился, сидя в своем тяжелом резном кресле из драгоценного черного дерева, которое носили за ним по всей стране. Даже беседуя с тетрархом Антипой, он, говорят, сидел в этом самом

кресле... И так же, сидя в кресле, наблюдал, как врагов Закона побивают камнями, предварительно закопав до плеч в землю.

– Подойди ко мне, Йесус, – сказал он и добавил: – Я слышал о тебе.

Я подошел ближе, подумав, что слухи о новых пророках распространяются по нашей земле быстрее, чем привычки к добродетелям.

– Знаешь, сын, что сейчас занимает меня больше всего? – спросил Шаммай.

– Что же? – спросил я, вежливо склонив голову.

– Смена времен года. Но истинная вера – это не время года, она не меняется, она только умирает. Ты захочешь ее изменить – и она погибнет. Ты еще молод, но я вижу, что от тебя, сына Израиля, зависит многое. Не позволяй нашей вере превратиться в пыль. Иначе царство наше никогда уже не обретет свободу и будет уничтожено. Понимаешь?..

Мне стало смешно при мысли о том, что этот старик, который едва дышит, беспокоится обо всем царстве – всего лишь очередном в неумолимом, как следует из преданий, процессе рождения и гибели царств.

Но я сохранил почтительное выражение лица и сказал:

– Авва Шаммай, ты живешь в постоянном страхе осквернения и готов очистить от скверны само солнце. Это помогает тебе жить. Я тоже хочу научиться благочестию, но быстро... Скажи, можешь ли ты подняться из своего кресла, встать на одну ногу и преподать мне весь Закон, пока стоишь на одной ноге?

Шаммай сверкнул глазами, но сумел подавить гнев. Его задела эта насмешка. Затем он сокрушенно вздохнул и произнес:

– Вижу, ты мысленно упрекаешь меня в жесткости, но не говоришь этого. Ты, Йесус, ветреный человек, легок, словно пух птицы, но и слова твои легковесны.

– Зачем нам тяжелые слова, Шаммай? – спросил я. – Представляешь, как тяжело будет носить с собой буквы Алеф, Бет и Гимель, отлитые из олова и свинца, учитывая то, сколько слов ты говоришь людям каждый день?

Шаммай улыбнулся. Это не было похоже на обычную человеческую улыбку, правильное будет сказать, что он перешел из одного скорбного состояния в другое, слегка изменив выражение лица.

– Впрочем, в этом есть и польза, ведь такие слова можно будет забрать обратно, – продолжал я. – Спрятал обратно в мешок и пошел, ведь все мы сожалеем о каких-то словах, сказанных поспешно.

Мы вновь замолчали, глядя друг на друга. Женщина принесла Шаммаю молока в чашке и удалилась. Он отпил половину, наклонился, поставил чашку на небольшой плоский камень рядом с ножкой своего черного кресла и достал из складок одежды маленькую янтарную курительную трубку, а также мешочек, в котором оказался киф – сухая ливийская трава, дым которой вызывает приятные мысли и расслабленность.

Он набил трубку, окликнул женщину, и она поднесла ему от костра головешку, чтобы возжечь траву. Он закурил, сделал вдох и протянул трубку мне.

Мы с ним вдыхали пьянящий дым по очереди, делали по маленькому глотку молока из его чашки, это было хорошо. Я, умиротворенный, подумал тогда, что Шаммай, может быть, и есть мой настоящий отец. После очередного вдоха у меня закружилась голова, и я сел на землю рядом с черным креслом.

– Ты – мышь в горшке, Йесус, – сказал Шаммай.

Мне это почему-то показалось очень смешным, и я засмеялся.

– Согласно Закону, – неторопливо говорил Шаммай, – мышь оскверняет горшок, горшок – человека, евшего из него, а этот человек – другого человека. Но ты прав в том, что благочестие часто рождает страх. И лучше быть смелой живой мышью, чем дохлой кошкой, не совершившей ни одного греха. Вот я стар и благочестив – и что мне с того?

– У тебя есть ученики, – сказал я, ободряя его. – Они живут во многих селениях, и все называют их детьми Шаммая.

– Ты знаешь, – ответил на это Шаммай, – что на полях, убранных заботливыми руками селян, растут камни?

– Да, – сказал я, – говорят, это происходит, когда холодная ночь сменяет жаркий день, и земля выталкивает камни наружу.

– Вот так и любые ученики подобны камням, которые всегда растут сами по себе, независимо от нас, – скорбно заключил Шаммай.

Стемнело, но мы еще долго беседовали. Женщины Шаммая принесли и зажгли лампу, повесив ее на сук масличного дерева. Лампу тотчас окружила мошкара, и я подумал, что эти крохотные крылатые твари подобны наивным паломникам, стремящимся на праздник света, чтобы сгореть в нем.

Прощаясь, Шаммай подарил мне свою янтарную трубку.

«Да-да, – думал я, засыпая возле костра рядом со своими учениками, – Шаммай всю жизнь дает евреям утешение, словно горький бальзам, но в его учении нет богодухновенности, это прах в золотой скорлупе гордыни. А я обычный человек, забочусь о радостях желудка и уладах любви, друг мытарей и грешников, но я дарю людям восторженное сомнение, ведь только оно рождает поистине новую жизнь».

Глава 9

Зайин

После беседы с Шаммаем мне приснилось, что я создал денежный храм, похожий на усыпальницу египетского царя, при этом он был сделан из воздуха, приносил прибыль, а все, кто приходил в него, были счастливы и благополучны. С оговоркой, что это продолжалось до определенного времени, а потом рушилось, будто из-под храма вытаскивали его основополагающий камень.

Но что вечно? Все растворяется в бездне.

Суть была в том, что люди приносили нам деньги, которые мы обещали вернуть с прибылью, и каждый такой вклад был подобен кирпичу в стене этого умозрительного сооружения. Например, человек по имени Элиша давал мне три сикля, а через месяц получал назад четыре сикля, ничего не делая, пребывая в праздности и радостном ожидании. Откуда же мы брали деньги, чтобы отдать Элише? И зачем все это? Очень просто: за месяц мы собирали с людей такую сумму, что ее хватало на выплату обещанного, потому что многие не забирали свои деньги, вновь доверяя их мне, чтобы получить еще больше.

Мы открыли что-то вроде лавки, и люди несли нам монеты, слитки, самоцветы и украшения, дорогие одежды. Приводили скотину и даже рабов, но ни то ни другое мы не принимали, потому что трудно незаметно сбежать из города с толпой рабов или стадом баранов.

В тот момент, когда набралась внушительная сумма, я с учениками тихо исчез, чтобы где-нибудь в другом городе начать все вновь. Из Вифании мы пошли в Герасу, оттуда в Тир и так далее. Часть полученной прибыли раздавалась болтливым нищим, чтобы поддержать мою репутацию, а остальное тратилось на то, что все мы называем простыми человеческими удовольствиями.

В этом сне никто не преследовал меня, никто не жаловался префекту покинутого нами города на обман, и деньги приносили нам столько счастья, что это даже укрепляло веру в Бога.

Андрей купил себе прекрасный дом в Кесарии, сын рыбака Симон купил себе в Риме место сенатора (я не поверил в это даже во сне), Матфей стал экдосисом¹⁷ и открыл скрипторий, где тексты переписывали специально обученные люди; он построил для этого дом в Иерусалиме, обширными собраниями свитков не уступающий знаменитой библиотеке Лукулла. Иуда женился на дочери богатого иудейского вельможи и посвятил все время изучению звезд и составлению карт неба, а Филипп создал в Иерусалиме великолепный и очень дорогой лупанарий для заезжих патрициев, в котором при этом умные, но бедные молодые евреи могли обслуживаться бесплатно.

Я же стал поэтом и писал только на благозвучной латыни, большинство букв которой были отлиты из чистой меди, а не из олова и свинца, как в иудейском алфавите. У меня появилось множество новых учеников, потому что слава моя росла и никто не преследовал меня, люди не боялись сблизиться со мной, ведь я уже не считался вольнодумцем и вредным для государства проповедником. Власть имущие не призывали судить меня за возмущение народа Израилева, то есть самое страшное, что мне грозило, – колкий упрек в несовершенстве слога или в неточности описания какой-нибудь детали, например звука пощечины или оттенка цвета туники героя.

Лежа в триклинии из тесаного белого камня на шитых золотом подушках, безупречными увесистыми латинскими буквами я выводил первые слова своей поэмы: «Развяжет раб мои сандалии, а Бог развяжет мне язык», смотрел на эти строки и зачеркивал их, чтобы написать еще

¹⁷ Издателем (лат. *eccodosis*).

лучше. Затем я вдруг увидел красивое надменное лицо правящего первосвященника Каиафы, его плотную фигуру в одеждах, достойных иных царей.

– Умолкни, Йесус! – сказал Каиафа. – Чтоб высох твой язык!

– Почему? – спросил я.

– Мы всё знаем про тебя, Йесус, – продолжал Каиафа. – Ты разбогател несправедливо с помощью храма, который выдумал из пустоты, и будешь наказан за это, но, если прекратишь писать свои поэмы на чистейшей латыни, мы еще подумаем и дадим тебе шанс, пиши молитвенные гимны на своем родном языке.

Но время шло, судный день близился, и вот уже солнце однажды утром взошло на западе, это был очень плохой знак, а я не останавливался и продолжал работу: пробовал буквы на вес и подбирал слова, я ворочался на своем ложе, пытаюсь расставить тяжелые медные строки в нужном порядке, пытаюсь найти такое положение тела, при котором не то чтобы будет удобно, но хотя бы ничего не будет болеть. Наш мир погибал, и я увидел, что остались только два слова: «зохар»¹⁸ и «пирук»¹⁹.

Я очнулся. Ученики спали. Рядом со мной безмятежно, как дитя, посапывал Иуда. Костер догорал. Теплый ветер плыл в ветвях масличных деревьев, шелестели крылья пророков в недрах Млечного Пути, а во рту у меня было так сухо, что, пока не попил воды, не смог бы произнести ни слова.

Сидя у ручья, я слушал, как журчит его темный поток на камнях, и думал о том, есть ли способ донести важные слова сразу до всех людей в разных концах земли? Без голубиной почты, без лошадей и гонцов. Вряд ли получится полноценно сделать это с помощью столбов дыма или блеска металлических пластин, которыми подают сигналы друг другу римские когорты с возвышенных мест.

Все это слишком долго. Скорпион пробежит – и ты уже изменил свое суждение, оно бесполезно, и нет смысла сообщать эти слова другим смертным.

Впрочем, нужно ли это, например, мне? Все самое главное я доверяю лишь близким людям. Толпа бессмысленна, хотя мне постоянно приходится иметь с ней дело...

Нужно. Ведь не обязательно любить народ, главное – делай свое дело. Сколько твоих предков успело обзавестись потомством прежде, чем умереть, и все это только ради твоего появления на свет! Так что если есть что сказать – говори, особенно если красноречив и твои речи идут от сердца.

А что если узнать состав слов? Ведь в мире, как полагает Эпикур, существует только материя, которой противопоставляется пустота, а материя состоит из бесчисленного количества атомов. Значит, надо разбить слова на атомы! Поскольку атомы составляют все сущее, слова могут собираться из них по моей воле где угодно, в любом количестве и в любой час – хоть в Сарматии, хоть в Мемфисе. Главное – разгадать тайну шифра...

Да, ключ есть ко всему во Вселенной.

Если я не буду останавливаться, если преодолею сопротивление и буду думать, если болезнь не оборвет мою жизнь, книжники не добьются моей казни или фанатик не ударит меня ножом, то когда-нибудь я обязательно найду этот ключ...

Близилось утро. Мотыльки кружились в лунном свете. За эти дни, особенно после случая в Иерусалиме, я соскучился по женской ласке, ведь опасность всегда обостряла мою тягу к женщинам, будто кто-то подсказывал: торопись любить, ты не вечен (кстати, может быть, это и есть «голос совести», который недавно открыли эллинские философы?). Я вернулся к костру и лег на свое место, воображая, что меня обнимает гибкая зеленоглазая мулатка, красивая,

¹⁸ Свечение (ивр.).

¹⁹ Распад (ивр.).

как Хатхор, и мудрая, как двухсотлетняя змея, ведь ум женщины часто распаляет мужчину сильнее, чем очевидные достоинства ее тела.

Иногда я думаю, что Бог – это возбуждение, внезапная тяга к тому, чтобы соединить несоединимое: мышь и змею, уродство и наслаждение, добродетель и ярость, римских эквитов и нищих ревнителей Иудеи, воду и серебро. Какой силы первобытное одиночество овладело Им, чтобы Он решился на все это?

Бог был один в предвечном пространстве, когда восстал Его могучий зайин, подобный отлитой из золота и перевернутой букве ²⁰

Что стало женщиной для Него? Конечно тьма. Бог вошел во тьму, сочетался с ней, излил в нее бледное семя смысла, и с этого момента началась катастрофа – противоречивая жизнь всего.

Появились другие буквы, и возникли слова. Как известно, у разных народов они изготавливаются из разных материалов. Не сомневаюсь, что где-то на северо-востоке есть люди, слова которых вырублены из тяжелой черной древесины, а еще севернее закутанные в меха люди используют слова, которые высечены из льда и способны пропускать свет.

Но большинство самых первых слов сделаны из камня. Тихой ночью, когда не доносится топот всадников, не кричит сова, не крутится мельничное колесо на реке и не потрескивает костер, приложи ухо к земле и услышишь песню на языке камней, которая звучит со дня творения. Она совсем не похожа на то, когда веселая женщина, взяв в руки тимпан²¹, играет и поет для тебя, нет, это напоминает далекий, торжественный и тревожный зов шофара, в который трубят архангел, призывая всех грамотеев к последней войне.

Я видел букву, которая была головой быка, букву-рыбу и букву-глаз, который надлежало выколоть. Буквы из ртути, буквы из костей, буквы из теста. Две буквы, которые были ушами собаки. Я видел неповоротливые слова, которые шли по иссохшей красной земле друг за другом, как стадо слонов к водопою. Я слышал блистательные речи, изъеденные червями. Я наблюдал, как из материнской тьмы исходили слова, ставшие толпой жалких рабов.

Однажды в Яффе я стал свидетелем того, как молодому рабу-бритту отрезали язык в наказание за то, что он пытался бежать – спрятался на фракийском торговом корабле, готовящемся к отплытию, среди мешков с товаром, но был пойман и возвращен хозяину. Дело могло обойтись поркой и длительным голодным сидением на цепи, но пойманный раб ругался, оскорбляя хозяина – старика-римлянина. Старик отнесся к этому спокойно, понимая, что тот в отчаянии, но вмешалась молодая жена старика, утверждая, что, поскольку раб ругался публично весьма скверными словами, его необходимо прилюдно наказать во избежание дурной славы об их семействе.

Бритта привязали к мраморной колонне в порту. Собралась толпа, среди которой были другие рабы: эллины, азиаты, скифы, негры, даже германцы, выделявшиеся длинными лохматыми бородами. Все они с жадным страхом наблюдали за наказанием – зрелище, по мнению их господ, должно было пойти рабам на пользу.

Палач заставил бритта открыть рот, подцепил его язык острым крюком и сделал быстрое, почти незаметное движение ножом. Из рта раба хлынула кровь, и его язык, похожий на красного моллюска, упал на каменную плиту набережной.

Мне было жаль этого бритта, но в книге Ездры сказано: «Лучше для человека не родиться, лучше не жить, ибо твари бессловесные счастливее человека», – и кто знает, может быть, потеряв язык, этот раб наконец обрел свое тихое счастье?

²⁰ Зайин – седьмая буква еврейского алфавита; издревле обозначает мужской член.

²¹ Бубен.

Глава 10

Самарянка

Вскоре мы оказались в Самарии, в городе Сихзре, где благочестивым людям делать нечего, но меня это не пугало. Да, там живут иудеи, которые смешали свою кровь с сирийцами и народом Двуречья, и наши духовные отцы строго осудили это. Но разве можно измерить любовь к Богу чистотой крови?.. Да и мнение законоучителей меня всегда интересовало только лишь как собирателя горьких человеческих заблуждений.

Деньги у нас к тому времени кончились, мы были постыдно голодны, а заработать проповедью я не мог, потому что во мне временно, после разговора с Шаммаем, угас этот огонь. Ученики выпрашивали у придорожных селян немного пищи – луковицу или лепешку, и случился маленький праздник, когда Иуда умудрился украсть овцу, которую мы зажарили в укромном месте и съели, вознеся к небу молитвы о ее хозяине. Хотя, если быть объективным, истинным начальником этой овцы был не пастух и не селянин, растящий ее на убой, а только Бог, если он, конечно, существует. А еще хозяином и мужем овцы может считаться какой-нибудь баран.

Покорно признаю, что огонь – слишком торжественное и при этом многозначительное слово для того, чтобы описать мою способность беседовать с людьми, поднимая им настроение, да еще зарабатывая этим на жирный кусок мяса и бурдюк доброго вина. Поэтому лучше сказать так: во мне ненадолго погасла чающаяся лампа, копоть которой многим раздражала глаза и мешала дыханию, но зато в свете этой лампы обнажались самые скверные и сокровенные истины.

Не раз в те голодные недели я вспомнил дни изобилия, которые были у нас в Кафарнауме, в чудесном доме вдовы, и мечтал скорее туда вернуться. Но шли мы на север, в сторону Кафарнаума, медленно и осторожно, часто останавливаясь. Мы прятались от военных разъездов и от богатых повозок иудейской знати. На дорогах в ту весну часто ловили вестников всеобщей свободы и даже приговаривали некоторых к смерти.

И меня это поражало: зачем люди изобрели письменность и колесо? Искусство медицины? Зачем смягчают условия содержания рабов? Ведь при этом торжестве разума в каждый миг может оборваться нить жизни случайного человека, который мог бы стать поэтом всех времен или милостивым мудрым царем, изменившим мир к лучшему, или не стать ни тем ни другим, но быть не менее ценным для того, кто его по-настоящему любит, хоть для собаки или женщины.

Накануне Симон сходил в Сихзру один, чтобы узнать, не опасно ли там, а мы ждали его поблизости в укромном месте. Он был выбран для этой миссии потому, что лицом меньше всех из нас походил на иудея или галилеянина, и мы надеялись, что он своим видом не прогневет самарян.

Симон вернулся и сообщил, что жители Сихзры смурны и недоверчивы (как и следовало ожидать) и непросто будет заполучить там сытную трапезу и ночлег, но есть шанс: он встретил самарянку, с помощью которой все это можно легко осуществить...

Случилось так, что возле колодца у подножия горы Симон оказался с этой женщиной вдвоем и никто их не видел. Он сказал ей что-то хорошее, она доверилась ему и в слезах рассказала, что над ней каждый день издевается муж, местный мельник, подозревая женщину в измене, которой не было. Происходит это к вечеру, когда он напивается вина. Ее глупый муж убедил в этом чуть ли не весь город, и дело всерьез шло к тому, что ее могли наказать по суду старейшин. Бежать ей было некуда, и она с мольбой обратилась к Симону, потому что справедливо увидела в нем человека, который мог ей помочь.

Что делать, Симон сообразил сразу. В его большом кожаном мешке, набитом всякой всячиной, хранился запас простейших лекарств, и одним из них было снадобье, которое вызывает сильнейший понос и жар и применяется при отравлениях как очищающее средство, – порошок из листьев сенны, семян арктиума и крокодильего помета.

Симон дал ей это снадобье в мере, достаточной, чтобы несколько взрослых мужей провели некоторое время в корчах, и велел подмешать супругу в кувшин с вином, которое тот пил каждый вечер.

Женщина оказалась сообразительной и сделала все правильно.

Изнуренный бессонной ночью, жаром и коликами, недоверчивый сихзрский мельник к утру следующего дня готов был поверить во что угодно, лежа на соломенной подстилке в своем саду.

Мы пришли в город ближе к полудню и в условленный час, будто случайно, встретили эту самарянку на площади возле местных терм. Она оказалась маленького роста, стройной и милой. При случайных свидетелях я приблизился к ней и громко спросил нараспев, как обычно говорил с толпой: «Что ты скорбишь, женщина? Быть может, умирает у тебя кто-то из близких?»

Самарянка заплакала, кинулась на землю и стала обнимать мои ноги так правдоподобно, что я сам чуть было не прослезился.

– Ты великий учитель! – вопила она, и горожане начали выглядывать из-за своих заборов, а прохожие останавливались, глядя на нас. – Ты заглянул в мое сердце, учитель! Мой муж очень болен, я боюсь, он умрет, ведь я так люблю его, так люблю!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.